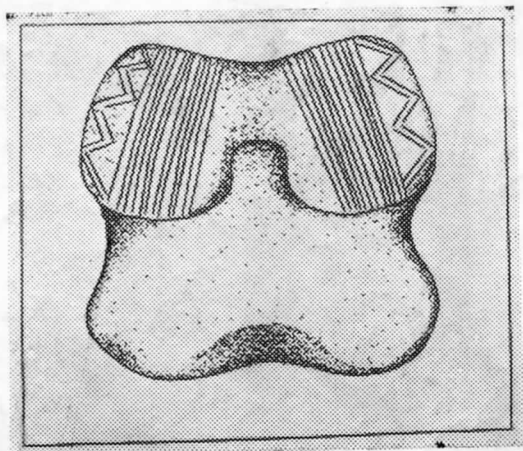

В. Н. ЛОГВИН

**КАМЕННЫЙ ВЕК
КАЗАХСТАНСКОГО ПРИТОБОЛЯ**

(МЕЗОЛИТ-ЭНЕОЛИТ)

Министерство народного образования Казахской ССР
Казахский государственный ордена Трудового Красного Знамени
педагогический университет имени Абая

В. Н. ЛОГВИН

КАМЕННЫЙ ВЕК КАЗАХСТАНСКОГО ПРИТОБОЛЬЯ

(МЕЗОЛИТ—ЭНЕОЛИТ)

Учебное пособие по спецкурсу

АЛМА-АТА 1991

Казахский государственный ордена Трудового Красного Знамени педагогический университет имени Абая

Каменный век Казахского Притоболья (мезолит—энеолит): учебное пособие по спецкурсу / В. Н. Логвин; Каз. гос. пед. университет. Алма-Ата, 1991.

В настоящем пособии впервые обобщается информация по мезолиту—энеолиту Казахского Притоболья. В работе дается характеристика археологических культур, рассматриваются проблемы их происхождения, периодизации и дальнейших судеб. Прослеживаются контакты с синхронными культурами сопредельных территорий.

Книга рассчитана на студентов исторических факультетов, специалистов в области первобытной истории, краеведов, учителей истории и всех, кто интересуется древней историей.

Печатается по решению редакционно-издательского Совета Казахского государственного ордена Трудового Красного Знамени педагогического университета имени Абая.

Научный редактор: кандидат исторических наук, доцент

В. В. Евдокимов

Рецензент: член-корреспондент АН СССР В. И. Молодин.

© Казахский государственный педагогический университет имени Абая

Казахстанское Притоболье охватывает территорию, протянувшуюся с юга на север и с запада на восток примерно на 400 км (рис. 1). В основном это степь, лишь на северо-западе и северо-востоке она включает в себя небольшие участки лесостепи.

Археологические памятники этой довольно благоприятной для обитания человека территории долго не привлекали внимания исследователей. Основная часть стоянок каменного века (около двух десятков) известна с начала работ Кустанайской, а затем Тургайской археологической экспедиции Кустанайского пединститута была найдена краеведами в период с 1937 по 1940 гг. (2, с. 31—32; 63, 65, 79; 15, с. 11—20). Несколько стоянок обнаружили сотрудники геологических и зоологических экспедиций (2, с. 79; с. 27—32; 135, с. 68). Специалистами было выявлено только четыре пункта. С. И. Руденко в 1921 году открыл стоянку у озера Коль. А. А. Формозов в 1948 году обнаружил Садчиковскую стоянку. Г. И. Пачевич в 1955 году нашел стоянку у Приречного совхоза и «фрагмент неолитического сосуда» у Кенбаральского совхоза (2, с. 30; 105, с. 26; 135, с. 68).

Одной из первых публикаций с использованием полученных в Казахском Притоболье материалов является статья П. П. Ефименко, опубликованная им в 1923 г. (47, с. 225). В годы войны часть материалов была обобщена в двух рукописных работах А. Я. Брюсовым, основные положения которых в 1963 году им были изложены в статье, изданной в Мехико (13—15). В силу своей специфики его работы остались практически неизвестны специалистам, которые познакомились с материалами Казахского Притоболья в основном по публикациям А. А. Формозова. Последним с середины сороковых до середины пятидесятых годов было подготовлено три статьи, полностью посвященных публикации материалов памятников Казахского Притоболья, кроме того в ряде статей они привлекались при рассмотрении более общих проблем археологии (133—139). После выхода в свет этих работ завязалась определенная дискуссия по поводу трактовки опубликованных материалов, но в связи с недостаточностью фактической базы она быстро затухла (115, с. 28—30; 153, с. 106—110).

В последние годы число известных памятников на рассматриваемой территории значительно увеличилось (рис. 1). На одиннадцати из них проводились стационарные исследования. Полученная в ходе их информация позволяет реконструировать процессы, протекавшие в Казахском Притоболье в голоценовом периоде каменного века со значительно большей полнотой, чем это было возможно ранее.

Глава I. МЕЗОЛИТ

До настоящего времени мы располагаем ограниченным фактическим материалом по мезолиту. По сути в нашем распоряжении имеется только один «чистый» комплекс, полученный на стоянке Евгеньевка I. Кроме того, преимущественно мезолитические материалы получены на стоянке Дубай 6. К мезолиту относится и значительная часть находок Дачной стоянки.

Все памятники расположены высоко от современного уреза воды в водоемах. Два из них занимают на окружающей местности наиболее высо-

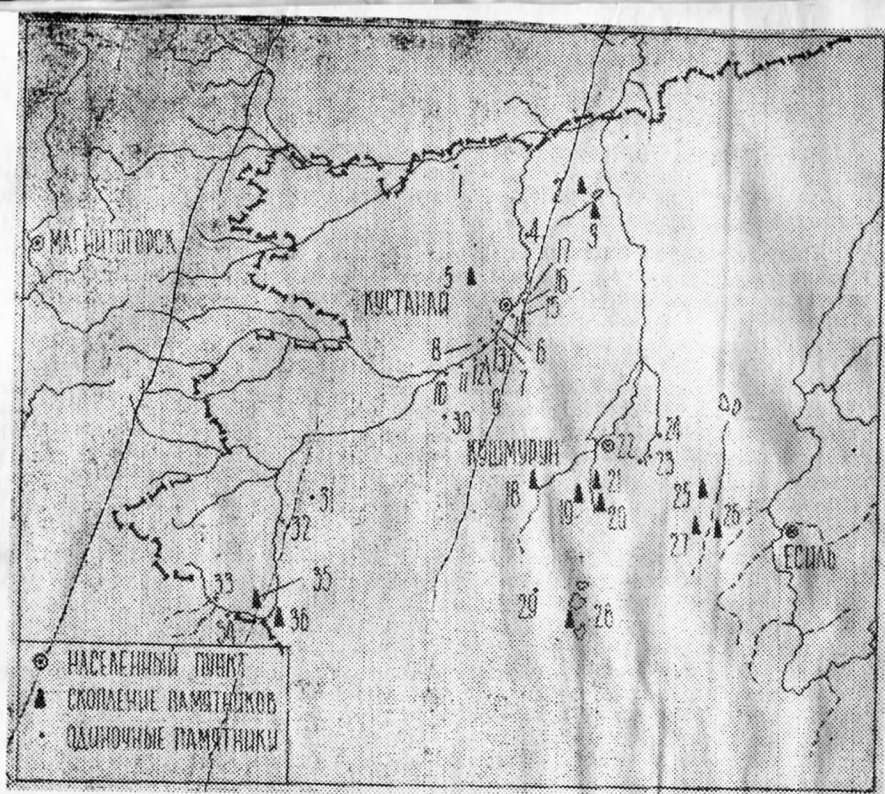

Рис. 1. Схема расположения памятников каменного века Казахского Притоболья. 1 — Кенъаральская; 2 — Мокрое 1, 2. Маханджар; 3 — Каргалинка 3—5; 4 — Алкау; 5 — Светлый Джаркуль (могильник и стоянка); 6 — Токужиновка 1; 7 — Токужиновка 2; 8 — клад Аксу; 9 — Аксу 2; 10 — Каратомарская; 11 — Сергеевка; 12 — Константиновка; 13 — Садчиковка; 14 — Затобольская южная; 15 — Коль; 16 — Затобольская северная; 17 — Дачная; 18 — Семнозерка 1, 3—5; 19 — Чили 1, 2; 20 — Бестамак, Буруктал 1, Чили 3; 21 — Дузбай 1—13, 15; 22 — Амангельды; 23 — Кундузды 2; 24 — Кундузды 1; 25 — Целинная 2, 3; 26 — Кара-Мурза 1—4, 9; 27 — Кара-Мурза 5—7; 28 — Мазар, Малый Аксуат, Сор 1, 2, Солёное Озеро 1, 2, Большой Аксуат; 29 — Терсек-Карагай; 30 — Евгеньевка; 31 — Ливановка; 32 — Приречная; 33 — Верхнетобольская; 34 — Тобольская; 35 — Аймагамбет, Верблюд-гора; 36 — Островская 1—6.

ние уровни. Евгеньевка 1 расположена на вершине дюны между озерами Балдаи и Угловое, а Дузбай 6 — на вершине песчаной гривы, тянущейся параллельно реке Атагай. Дачная стоянка приурочена к уступу первой надпойменной террасы, высота которой от уреза воды в старице Тобола равна 6 м.

В Евгеньевке 1 стратиграфию проследить не удалось, так как к моменту посещения нами стоянки культурный слой ее был развеян полностью. На Дузбае 6 находки приурочены к контакту серого почвенного слоя и подстилающего его песка. Глубина залегания находок колеблется от 0,1 до 0,6 м. На Дачной находки встречены от поверхности до глубины 0,3—0,5 м и приурочены ко всей толще темно-серой супеси.

По комплексу материальных остатков памятники не тождественны друг другу. Выделяются два типа. Первый тип представлен стоянкой Евгеньевка 1, а второй наиболее полно характеризуется материалами стоянки Дузбай 6. Первые могут быть сопоставлены с памятниками янгельского типа Южного Зауралья, вторые — с памятниками мезолита Западной Сибири, которые в последнее время были изучены В. Ф. Старковым (93; 121).

Первый тип памятников. При знакомстве с коллекцией стоянки Евгеньевка 1 прежде всего бросается в глаза ярко выраженный пластинчатый облик кремневой индустрии. Пластины составляют 62,8% суммы всех отщепов и пластин. В составе орудий пластинчатый характер индустрии проявляется еще более резко. Орудия из пластин составляют 90,5% всех орудий.

Большая часть находок изготовлена из халцедонолитов, кремнистых алевролитов и яшмоварцитов. Более 70% всех находок представлено этими породами.

Применялась призматическая техника скальвания заготовок. Об этом свидетельствует как большое число ножевидных пластин, так и найденный в Евгеньевке 1 один целый нуклеус и два скола (продольный и поперечный) с нуклеусов (рис. 2, 35, 36, 41).

Нуклеус первоначально имел, видимо, конусовидную форму, но затем острое основание было снято и с образовавшейся маленькой площадки были сделаны почти все последние снятия пластин. Быгование конусовидных нуклеусов подтверждает и пластина с концевой частью, представляющей собой часть острого основания нуклеуса.

Комплекс кремневых находок Евгеньевки 1 может быть с полным правом отнесен к кругу микролитических комплексов. Среди пластин без вторичной обработки 45,1% пластин шириной от 4 до 7 мм, а среди орудий процент таких пластин еще выше — 55,8%. Большая часть отщепов также маленьких размеров. Примерно у 75% отщепов наибольший размер менее двух сантиметров.

Орудия изготавливались нанесением заостряющей и затупливающей ретуши, а также приемом резцового скола. Преобладает заостряющая, нанесенная под углом менее 60°, ретушь. Однако очень пологая ретушь отмечена лишь в одном случае.

Орудия из пластин. Геометрические орудия представлены двумя асимметричными трапециями слегка удлиненных пропорций. Отношение длины к ширине равно 2,1:1 и 1,7:1. Боковые стороны трапеций оформлены ретушью, нанесенной со спинки (рис. 2, 1, 2).

Пластины со скошенным торцом обычных форм. Торцев скошен под

углом примерно 45° затупливающей ретушью. На боковых краях ретушь отмечена (рис. 2, 3).

Пластины с прямым ретушированным торцом изготавливались как из сечений, так и из концевых частей пластины. В последнем случае затупливающая ретушь нанесена на естественном, а не образованном изломе, торце пластины (рис. 2, 4, 5).

Пластины с притупленным краем составляют довольно значительную серию орудий (7,5% всех орудий). Все изготовлены из сечений (рис. 2, 6—9). Иногда они имеют скошенный затупливающей ретушью торец (рис. 2, 6). В одном случае из пластины с притупленным краем пологой ретушью, нанесенной с брюшка, изготовлено острое (рис. 2, 8).

Резцы составляют близкую по численности к пластинам с притупленным краем группу орудий (9,4% всех орудий). Резцовые сколы наносились на углу поперечного излома пластины по одному или двум краям (рис. 2, 10—13).

Острые из ребристой пластины выполнено подправкой естественного острого конца затупливающей ретушью, нанесенной со спинки (рис. 2, 15).

Скребки из пластин немногочисленны. В Евгеньевке 1 они составляют лишь 3,7% всех орудий. Все скребки концевые, изготовлены из коротких сечений пластин. Изредка на боковых краях отмечается дополнительная ретушь (рис. 2, 28, 29). Особо следует отметить одно орудие, имеющее два соприкасающихся скребковых лезвия (рис. 2, 28).

Пластины с ретушью по боковым краям являются самой многочисленной группой орудий. В Евгеньевке 1 они составляют 62,2% всех орудий. Отмечены все варианты месторасположения ретуши, за исключением встречной (рис. 2, 16—27). Больше всего пластин с ретушью, нанесенной по одной грани со спинки и с брюшка (30,3% и 36,0% от общего количества пластин с ретушью). Некоторые орудия этой группы имеют вогнутые участки лезвий. Иногда они располагаются на углу пластины у ее поперечного излома, что позволяет предполагать возможность выполнения ими резцовых функций (рис. 2, 16, 21).

Орудия из отщепов представлены в основном скребками. Последние, так же как и скребки из пластин, относятся к типу концевых скребков (рис. 2, 30—34, 39). Помимо скребков имеются отщепы с небольшими участками ретуши (рис. 2, 38, 40).

Таков в общих чертах облик материальной культуры мезолитических памятников первой группы. Хотя этот тип мезолитических памятников представлен в чистом виде только стоянкой Евгеньевка 1, есть основания утверждать, что наличие ее не является случайным эпизодом для мезолита степного Притоболья. На стоянках Дузбай 3, Бестамак, Светлый Джаркуль (сборы П. С. Загороднего) найдены асимметричные трапеции. Довольно много находок в коллекциях этих памятников изготовлено из пород характерных для Евгеньевки 1. На Дузбае 3, кроме того, сравнительно много микропластин. К сожалению, в настоящее время нельзя выяснить, чем обусловлены эти мезолитические черты коллекции Дузбая 3 и Бестамака. Являются ли они результатом механического смещения мезолитических и неолитических материалов или же они демонстрируют облик материальной культуры памятников переходного от мезолита к неолиту времени. Однако и в том и в другом случае эти факты говорят о том, что Евгеньевка 1 не случайное, а закономерное явление для мезолита Казахстанского Притоболья.

Второй тип памятников. Описание материальной культуры памятников второго типа дается, в основном, по материалам стоянки Дузбая 6. На

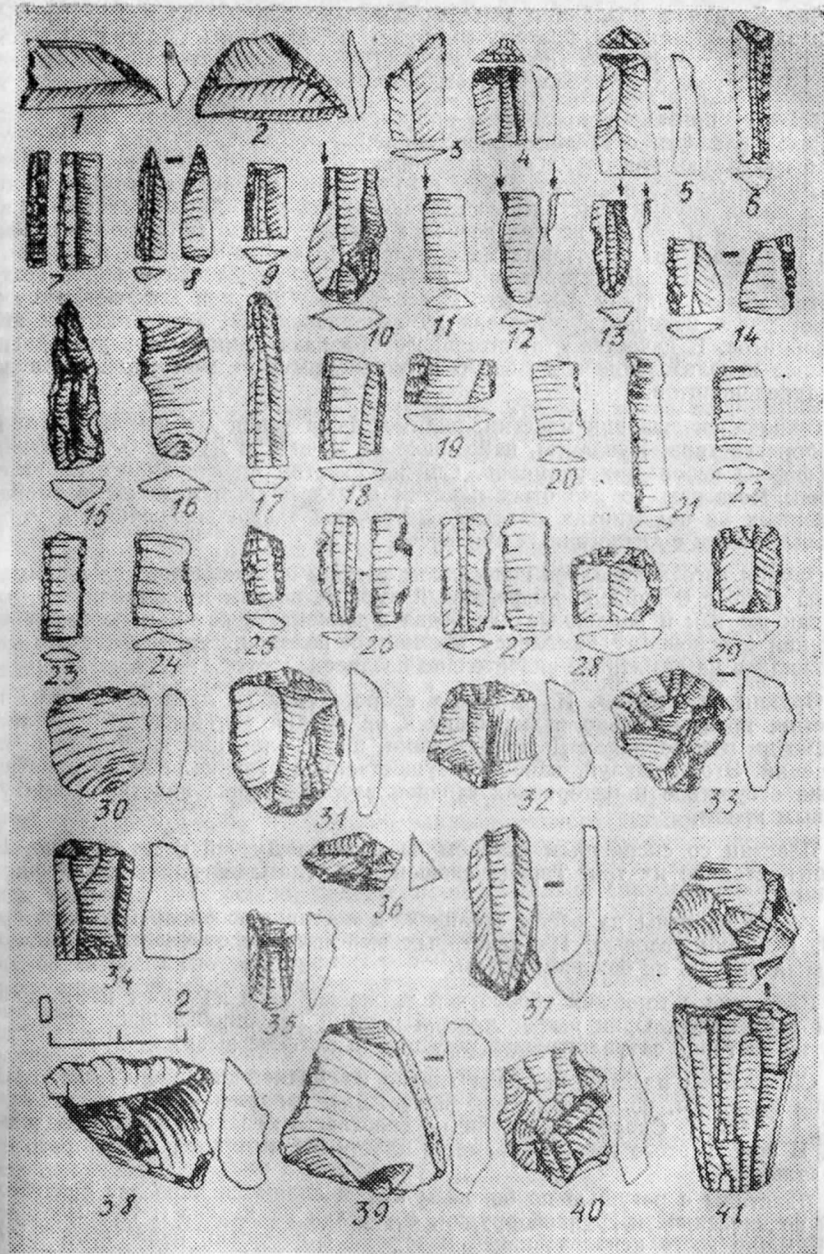

Рис. 2. Находки со стоянки Евгеньевка 1.

облик индустрии и малые размеры пластин. Все типы орудий, характерные для наших памятников, имеются и в зауральских, в том числе сходство проявляется в отсутствии геометрических орудий и пластинок с притупленным краем (121, с. 35).

В. Ф. Старков датировал свои мезолитические памятники в пределах V тыс. до н. э. (120, с. 90; 121, с. 192). В значительной мере эта дата базируется на споро-пыльцевой диаграмме отложений с мезолитическими находками со стоянки Истока II. Он считает, что спектр пыльцы этого горизонта (52% пыльцы сосны, 35% пыльцы березы, 6% пыльцы липы и 4% пыльцы лещины) указывает на более ранний возраст, чем момент появления кривой пыльцы вяза в диаграммах Аятского и Горбуновского торфяников. Последняя на Аятском торфянике имеет дату по C_{14} 6250 ± 150 лет от н. д. С этим пожалуй можно согласиться, но почему V, а не VII—VI тыс. до н. э. не ясно. Например, на диаграмме Аятского болота указанному участку диаграммы Истока II вполне может соответствовать пыльцевой спектр позднбореального времени (121, с. 193, рис. 14; 144, с. 72, рис. 21). Отнесение их к бореальному периоду представляется нам более правдоподобным и по следующему соображению. Мезолитические памятники лесостепного и лесного Зауралья, равно как и близкие им памятники Казахстанского Притоболья, находят определенные аналогии в ильмуригских памятниках Южного Урала. (93, с. 156, 310—316). Датировка этих памятников в пределах X—VII тыс. до н. э. неплохо обоснована Г. Н. Матюшиным, который привлек не только археологические материалы, но и данные ряда естественных наук (93, с. 177). Следовательно, мы имеем основания, по крайней мере на уровне современных представлений, не выводить верхнюю границу бытования мезолитических памятников второго типа за пределы VII тыс. до н. э. В пользу этого говорят и те черты сходства, которые обнаруживаются при сравнении материалов мезолитических памятников Казахстанского Притоболья первого и второго типов. На них практиковались одни и те же приемы расщепления кремня и вторичной обработки. Очень близок набор орудий. Практически набор орудий памятников второго типа отличается от набора орудий памятников первого типа лишь негативными признаками. В их коллекциях отсутствуют асимметричные трапеции и пластины с притупленным краем. По другим же признакам материалы их настолько близки, что отнесение обоих типов памятников к одному периоду — мезолиту — вряд ли может вызвать возражение.

Очень сложен вопрос о том, как соотносятся эти типы памятников друг с другом во времени. В одно время они бытовали или нет. Однозначного ответа на него в настоящее время дать, видимо, нельзя.

На Южном Урале Г. Н. Матюшин пришел к выводу о существовании двух мезолитических культур. Одна с геометрическими орудиями, другая без таковых. Но там памятники этих культур расположены на различных территориях. Одни локализируются в Предуралье, другие — в Зауралье. В нашем случае памятники первого и второго типа размещаются практически на одной территории. В свете вышеизложенного нельзя исключить, что в Казахском Притоболье в мезолите одновременно существовали памятники двух различных культур, но нельзя не учитывать и возможность их разновременного существования.

Мысль об асинхронности выделенных нами в Казахском Притоболье типов мезолитических памятников до некоторой степени становится вероятной, если вспомнить, что в Прикаспии исследователи неоднократно отмечали наличие в мезолите двух периодов бытования асимметричных трапеций, разделенных периодом, в котором они отмечены не были (84, с. 63; 108, с. 210, 211).

Глава II. НЕОЛИТ

С неолитом мы связываем памятники маханджарской культуры (78; 79). В настоящее время маханджарские материалы получены на одиннадцати стоянках: Маханджар, Соленое озеро 2, Дузбай 1—4, 12, Сор 2, Бестамак, Алкау 2, Амангельды (рис. 1). На семи памятниках (Соленое Озеро 2, Дузбай 1—3, Бестамак, Алкау 2, Амангельды) проводились стационарные работы. Среди раскопанных памятников только стоянка Соленое Озеро 2 дала чистый маханджарский комплекс. На остальных маханджарские материалы выделены типологически.

Большинство известных нам маханджарских памятников находятся на дне Тургайской ложбины. На Тоболе пока известна лишь стоянка Алкау 2 (рис. 1). Памятники Тургайской ложбины по топографическим признакам неоднородны. Маханджарская стоянка, Соленое Озеро, 2, Сор 2 приурочены к озерам. Остальные — к мелким рекам. Дузбай 1—4, 12, расположены на реке Атагай, Бестамак — на Буруктае и Амангельды — на реке Кундызды. Топография ряда памятников имеет одну, на наш взгляд, существенную общую деталь. Стоянки Дузбай 1—3, Бестамак расположены у широких участков поймы в том месте, где она резко сужается. Можно предположить, что к широкому участку поймы были приурочены и широкие плесы, зараставшие по краям камышом. В настоящее время такие плесы богаты рыбой и водоплавающей птицей. В древности они, видимо, отличались тем же. Таким образом, в прошлом, вероятно, для древнего населения в этих местах были хорошие условия для рыболовства и охоты. То, что поселения располагались в местах сужения поймы, позволяло свободно переправляться с берега на берег, чем создавались наилучшие условия для эксплуатации рыболовных и охотничьих угодий.

Большая часть известных памятников приурочена к местностям с песчаным грунтом. На Соленом Озере 2 находки приурочены ко второму почвенному слою, представляющему собой гумусированный песок серого цвета. Непосредственно над ним залегает слой желтого песка, который в свою очередь перекрыт первым почвенным слоем. Последний в целом аналогичен слою с находками. Можно лишь отметить несколько более темный цвет его, что объясняется видимо большим содержанием гумуса. Этот слой перекрыт перевеваемым песком. На всей площади раскопа не отмечено никаких перекопов. Это, в сочетании с типологической выдержанностью коллекции находок, делает Соленое Озеро 2 эталонным памятником маханджарской культуры. Следует отметить, что, судя по конфигурации второго почвенного слоя, рельеф местности в районе стоянки был в общих чертах аналогичен современному.

К подобному выводу нас привели и наблюдения над стратиграфией Дузбая 3. Раскоп 1979 г. здесь был заложен в самой высокой точке берега. Находки были приурочены к подошве почвенного слоя. Раскоп 1980 г., представляющий собой четырехметровую траншею, расположен по склону берега. В этом раскопе, так же как на Соленом Озере 2, отмечено два почвенных слоя. Находки обнаружены во втором (сверху) почвенном слое и в слое песка между первым и вторым почвенными слоями. Думается, что в то время, когда отложились наиболее древние находки, они попали на поверхность второго почвенного слоя, который, вероятно, скульптурно облегал берег. Затем в наиболее высокой части берега он был разрушен и находки в этом месте частично спроецировались на желтый песок, а частично, видимо, сползли вниз по склону. Позднее образовался первый почвенный слой, который перекрыл все находки. Видимо эти процессы привели к тому, что на отдельных участках раскопа 1980 г. маханджарские материалы залегали выше энеолитических.

На остальных памятниках маханджарские находки залегают вместе с остатками других эпох в одном культурном слое, представленном на стоянках Дузбай 1, 2 гумусированным песком, на Алкау 2 — темно-серой супесью и на Амангельдинской стоянке — суглинком. Статистические подсчеты керамики по горизонтали дают некоторые основания говорить о том, что для маханджарской керамики более характерно залегание в нижней части культурного слоя. Такие данные получены на стоянках Дузбай 2, Амангельды и Бестамак.

Остатки сооружений. К сожалению, до настоящего времени нам неизвестны остатки жилищ, бесспорно относящиеся к маханджарской культуре. Есть некоторые основания связывать с ней лишь остатки сооружения на стоянке Дузбай 1. Разрез этого сооружения четко выделялся на стенке котлована, выбранного бульдозером при сооружении дамбы через реку Атагай. К сожалению, оно оказалось полностью разрушенным. В плане удалось проследить лишь небольшой участок границы. Судя по разрезу, котлован этого сооружения имел глубину порядка 0,5 м от перекрывающих его слоев и довольно крутые стенки. Заполнение его (серый песок) четко отличалось по цвету от сильно гумусированных верхних слоев, содержащих в смешанном виде остатки неолита, бронзы и раннего железного века. В заполнении этого сооружения были найдены ножевидные пластины, в том числе с ретушью, и три резца из пластин. Здесь же найдено девять очень мелких фрагментов керамики, которые по примесям, большой плотности теста и наличию зубчатой орнаментации с известной долей вероятности могут быть идентифицированы с маханджарской керамикой.

Примерно в 2 м от границ первого сооружения в юго-западной части второго раскопа удалось зафиксировать пятно глубиной до 10 см с аналогичным первому сооружению заполнением, в котором была найдена симметричная трапеция, равносторонний треугольник, ножевидные пластины и три небольших лопаточки из кости. Вероятно и в этом случае мы имеем дело с остатками какого-то, одновременного первому, сооружения. Верхняя часть котлованов их, видимо, была разрушена в процессе жизнедеятельности людей, обитавших здесь в эпоху бронзы и в раннем железном веке.

Керамика. Впервые маханджарская керамика была получена в 1978 году на стоянках Маханджар и Соленое Озеро 2. На первом памятнике она была представлена довольно крупными фрагментами, а на втором удалось реставрировать три сосуда. Маханджарские сосуды имеют удлиненные пропорции. Диаметры горловины и наиболее широкой части тулова обычно равны. Дно коническое, иногда завершается шипом. Довольно высокая шейка резко отогнута наружу, но верхняя часть ее слегка загнута внутрь сосуда. Срез венчика может быть округлой, приотстренной или уплощенной формы. На некоторых сосудах отмечены воротнички. Они встречаются на маханджарской керамике стоянок Дузбай 2, 3 и Бестамак. Очень редко встречаются сосуды, шейка которых загнута внутрь сосуда не плавно, а под углом (рис. 3).

Тесто сосудов плотное, хорошо промешанное. Нам не удалось отметить каких-либо примесей кроме песка. Чаще всего песок мелкий. Изредка встречаются фрагменты с примесью крупного песка. Два сосуда были осмотрены Ю. Б. Цеглиным, который считает, что при изготовлении их в качестве примеси использовался птичий помет. Не исключено, что эта примесь является характерной для всей маханджарской керамики.

На поверхности керамики Соленого Озера 2 отмечено большое число извилистых и очень тонких (примерно 0,2 мм) линий. Вероятно они представляют собой следы каких-то тонких волокон, которые были уничтожены при обжиге.

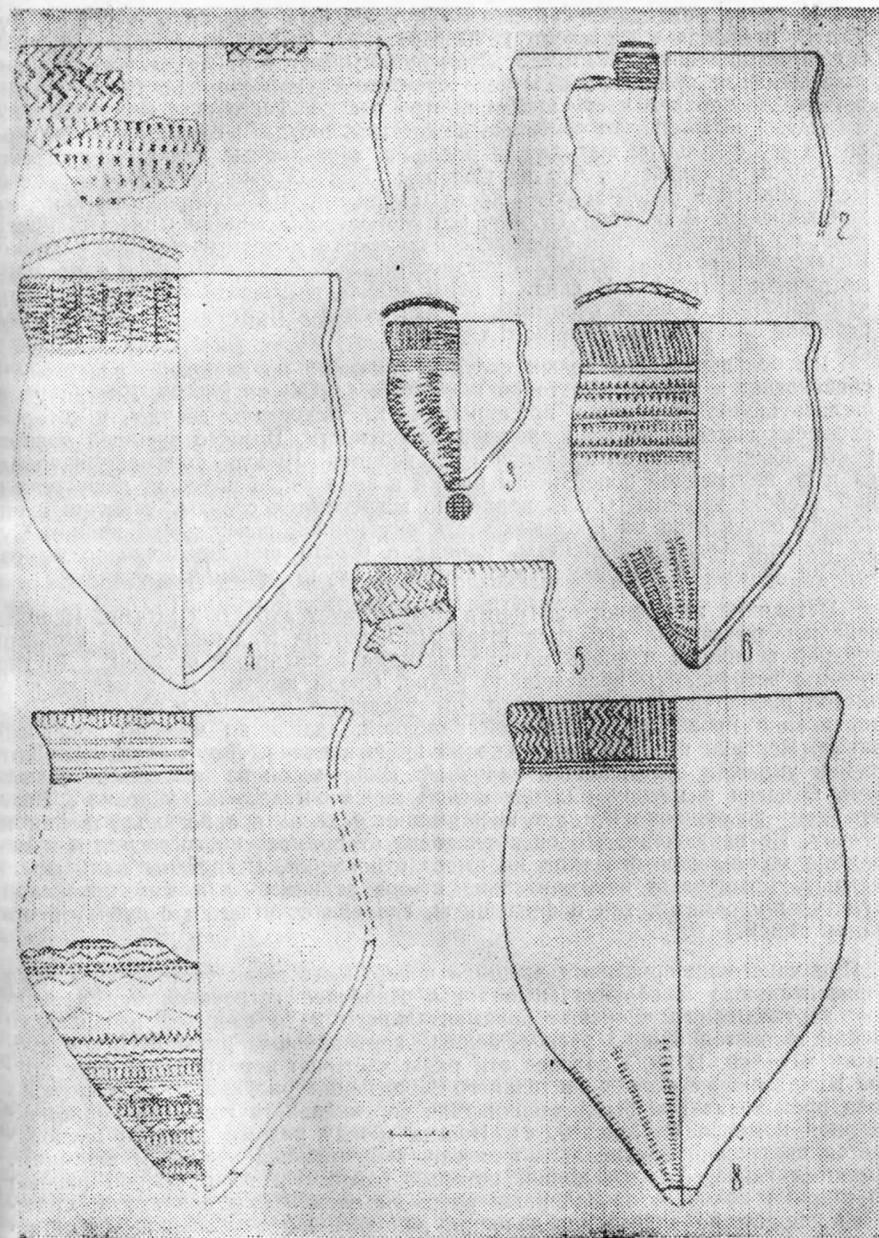

Рис. 3. Маханджарская керамика. 1, 2, 4, 5—Бестамак; 3, 6, 8—Соленое Озеро 2; 7—Дузбай 3.

К кругу маханджарской керамики нами был отнесен и сосуд с Дузбай 3, найденный в раскопе 1979 года (рис. 3, 7). Имея много общего с другими маханджарскими сосудами, он отличается от них некоторыми существенными признаками. У него отсутствует характерная для последних загнутость верхней части шейки внутрь сосуда. Тесто рыхлое, хуже обожженное. Учитывая, что основные параметры сосуда и наиболее общие признаки его формы не выходят за пределы, характерные для маханджарской керамики, а также то, что на Соленом Озере 2 был найден один фрагмент прямой в своей верхней части шейки, он и был определен как маханджарский. В раскопе 1979 г. его сопровождал микролитический инвентарь, по ряду признаков сходный с инвентарем мезолитических памятников Казахстана Притоболья. В частности, здесь была найдена и одна асимметричная трапеция. В связи с этим нельзя исключать вероятность того, что наиболее ранняя керамика Казахстана Притоболья будет представлена сосудами аналогичного типа.

На большей части целых сосудов орнамент по внешней поверхности располагается зонами. Часто он наносился только по шейке. Иногда украшались шейка, плечики и придонная часть. Встречены сосуды, у которых орнамент нанесен по всей внешней поверхности. Помимо внешней поверхности обычно орнаментировался срез венчика. Иногда орнамент наносился и по внутренней поверхности шейки в виде узкой полоски, расположенной у среза венчика. Очень редко, но встречаются сосуды, у которых орнамент опускается на среднюю часть внутренней поверхности шейки. Судя по отдельным фрагментам, наряду с богато орнаментированными сосудами бытовали неорнаментированные и скупо орнаментированные.

В технике нанесения орнамента господствует зубчатый штамп. Использовались различные зубчатые штампы: короткие и длинные, с зубьями средней величины и очень мелкие, дающие пунктирные отски. Другие приемы встречаются чрезвычайно редко. Среди них можно отметить волнистое прочерчивание, вдавления, отступающую палочку и насечки. Прочерчивание производилось тонкой палочкой, вдавления — мелкими, продолговатыми. Насечки наносились только по краю венчика. Лишь один фрагмент шейки украшен отступающей палочкой. Найден он на поселении Вестамак. Отнесен в группу маханджарской керамики весьма условно. Этот фрагмент совершенно не дает информации о характере перехода шейки к телу. Не исключено, что он происходит от прямостенного сосуда и к керамике маханджарского типа не имеет отношения. Встречены как фрагменты, украшенные исключительно этими редкими для маханджарской культуры приемами, так и фрагменты, где они сочетаются с зубчатой орнаментацией.

При нанесении орнамента внешняя поверхность шеек часто делилась на горизонтальные и вертикальные зоны. Наиболее встречающимся вариантом вертикального членения орнаментального поля внешней поверхности шейки являются близко расположенные вертикальные ряды отсков зубчатой качалки. В ряде случаев эти ряды частично перекрывают друг друга. При этом за счет значительного уплотнения рисунка в «контактной» зоне происходит как бы подчеркивание вертикального характера орнаментальной композиции (рис. 3, 4). Иногда между рядами качалки располагается спаренный вертикальный зигзаг, выполненный зубчатым штампом. Имеются также сосуды, шейки которых разделены на примерно равные по ширине колонки, заполненные разными элементами орнамента. Отмечены следующие сочетания: колонки, заполненные вертикальными отсками гребенчатого штампа, чередуются с колонками, заполненными многорядовым вертикальным или горизонтальным зигзагом; колонки, заполненные отсками зубчатой качалки, чередуются с колонками,

многорядовым вертикальным зигзагом или вертикально расположенными отсками зубчатого штампа (рис. 3, 3, 8). На шейках части сосудов чередуются неорнаментированные и орнаментированные колонки. Последние обычно заполнены вертикальными отсками длинного штампа или горизонтальными рядами отсков короткого зубчатого штампа.

На шейках сосудов с горизонтальным членением орнаментального поля отмечены как простые, так и довольно сложные композиции, в том числе и составленные с использованием геометрических фигур. В своем классическом виде сотовый орнамент встречен только однажды, на стоянке Дузбай 2, однако композиции, близкие к сотовому орнаменту, нередки. Как правило, они представлены параллельными горизонтальными зигзагами, нанесенными на определенном расстоянии друг от друга в противофазе. Пространство между ними заполнено вертикальными отсками зубчатого штампа. В итоге получается близкий к сотовому орнаменту (рис. 3, 7). Иногда он сочетается с горизонтальными линиями отсков гребенки. Из других геометрических фигур можно отметить косую сетку и треугольники.

Хотя сосуды с описанной выше сложной орнаментацией и достаточно характерны для маханджарской керамики, большая часть ее украшена более простым орнаментом, представленным зигзагами, горизонтальными линиями, рядами наклонных и вертикальных отсков зубчатого штампа. Все эти элементы использовались самостоятельно и в различных комбинациях друг с другом. Больше всего шеек, пожалуй, украшено многорядовым вертикальным зигзагом, покрывающим всю внешнюю поверхность их (рис. 3, 1, 5). Примерно так же часто встречаются наклонные отски длинного и короткого зубчатого штампа (рис. 3, 6). Многорядовый горизонтальный зигзаг в чистом виде применялся несколько реже. В одном случае это скорее волнистые линии, чем зигзаг. Сравнительно редки шейки, орнаментированные только горизонтальной качалкой. Также редки и шейки, сплошь украшенные горизонтальными линиями гребенки.

Среди других орнаментальных композиций следует отметить сочетание горизонтального многорядового зигзага с горизонтальными линиями, с горизонтальной качалкой, с горизонтальным рядом наклонных отсков короткого зубчатого штампа, с горизонтальными линиями и горизонтальным рядом вертикальных отсков короткого зубчатого штампа; сочетание прямых горизонтальных линий гребенки с горизонтальной зубчатой качалкой, с рядами отсков наклонно и вертикально поставленного штампа. В последнем случае иногда получался узор, напоминающий горизонтальную лесенку.

Единичные шейки орнаментированы по наружной поверхности волнистыми параллельными прочерченными линиями (рис. 3, 2). В одном случае они разделены короткими, редко поставленными вертикальными волнистыми отрезками, а в другом — горизонтальными рядами мелких вдавлений.

Как уже отмечалось, помимо орнамента на внешней поверхности шеек сосудов во многих случаях орнамент отмечен на срезе венчика и на внутренней стороне шейки, как правило, у края сосуда. Срез венчика чаще всего украшался наклонными отсками зубчатого штампа. В одном случае аналогичный орнамент был выполнен продолговатыми вдавлениями. Второе место по количеству случаев занимает орнамент в виде не наклонных, а прямых линий. Примерно так же часто применялись насечки и отски короткого штампа по краям среза венчика. Очень часто на срезе венчика наносился зигзаг. Значительно реже при орнаментации среза венчика использовался узор в виде перекрещенных коротких линий, выполненных гребенкой.

На внутренней поверхности шейки, у края сосуда, обычно наносился один ряд наклонных оттисков короткого зубчатого штампа. В одном случае две волнистые линии нанесены посередине шейки.

Насколько можно судить по целым сосудам, крупным фрагментам верхних частей сосудов и фрагментам стенок, тулово сосудов орнаментировалось примерно так же как и шейки. Как правило, плотность орнаментации стенок была значительно меньше плотности орнаментации шеек. Меньший удельный вес занимает орнамент с вертикальным членением орнаментального поля. Вместе с тем, видимо, практиковалась плотная орнаментация внешней поверхности тулова отдельных сосудов. Есть случаи и вертикального членения на орнаментальные зоны. Пожалуй наиболее яркий пример дает самый маленький сосуд из Соленого Озера 2. Тулово его, включая придонную часть, орнаментировано лентами, выполненными качалкой. Ленты опущены от шейки к кончику дна. Между лентами оставлено неорнаментированное пространство, по ширине примерно равное ширине ленты (рис. 3, 3).

Кремневые находки. Кремневая индустрия маханджарских памятников, так же как и кремневая индустрия мезолитических памятников Казахского Притоболья, имеет ярко выраженный пластинчатый облик. Если суммировать все пластины, отщепы и орудия из них, то доля пластин на Соленом Озере 2 составит 44,3% от этой суммы. В составе орудий пластинчатый характер индустрии проявляется еще больше. Орудия из пластин составляют 81,4% от суммы орудий из пластин и отщепов. Хотя показатели пластинчатости Соленого Озера 2 несколько ниже, чем аналогичные показатели Евгеньевки 1 и Дузбая 6, их близость по этому признаку проявляется достаточно четко.

Существенные отличия между мезолитическими и неолитическими памятниками Казахского Притоболья отмечаются по сырью, использовавшемуся для изготовления орудий. Если в мезолите более 70% находок изготавливалось из халцедонитов, кремнистых алевролитов и яшмов кварцитов, а на долю кварцитов и кварцитопесчаников приходилось примерно 10% всех находок, то на Соленом Озере 2 более 90% всех находок изготовлено из кварцитов и кварцитопесчаников, причем использовались преимущественно серые их разновидности. Таким образом, где-то в отрезке времени мезолит—неолит население Казахского Притоболья по непонятным пока причинам меняет источники сырья. Эти новые источники, насколько позволяют судить известные нам материалы, эксплуатировались затем вплоть до конца каменного века. Вместе с тем, на ряде памятников с коллекциями разновременных материалов (Дузбай 1, 2, 3, Бестамак, Алкау 2) довольно много находок изготовлено из халцедонитов, алевролитов и яшмовкварцитов. При этом, если на стоянках Дузбай 1, 2, Бестамак, Алкау 2 находки из этих пород кремня составляют менее 20% находок, то на Дузбае 3 в раскопе 1979 г. из них изготовлено чуть менее половины всех находок. Эти факты можно истолковать двояко: либо в этих случаях мы имеем смешанные комплексы (мезолит—неолит), либо на ранней стадии развития маханджарской культуры еще практиковалось изготовление орудий из пород, характерных для мезолита.

Уже исходя из большого числа ножевидных пластин и их формы ясно, что в неолите господствовала призматическая техника скальвания заготовок. Это подтверждается нуклеусами, найденными на маханджарских памятниках. Большая часть их имеет конусовидную или призматическую форму. Первое, естественно, всегда одноплощадочные. Площадки преимущественно ровные прямые. Конусовидные нуклеусы со слегка скошенными площадками встречаются реже (рис. 4, 19). Подпризматические нуклеусы также преимущественно одноплощадочные. Двухплощадочные нуклеусы очень редки. Некоторые из них видимо изготавливались из конусовидных

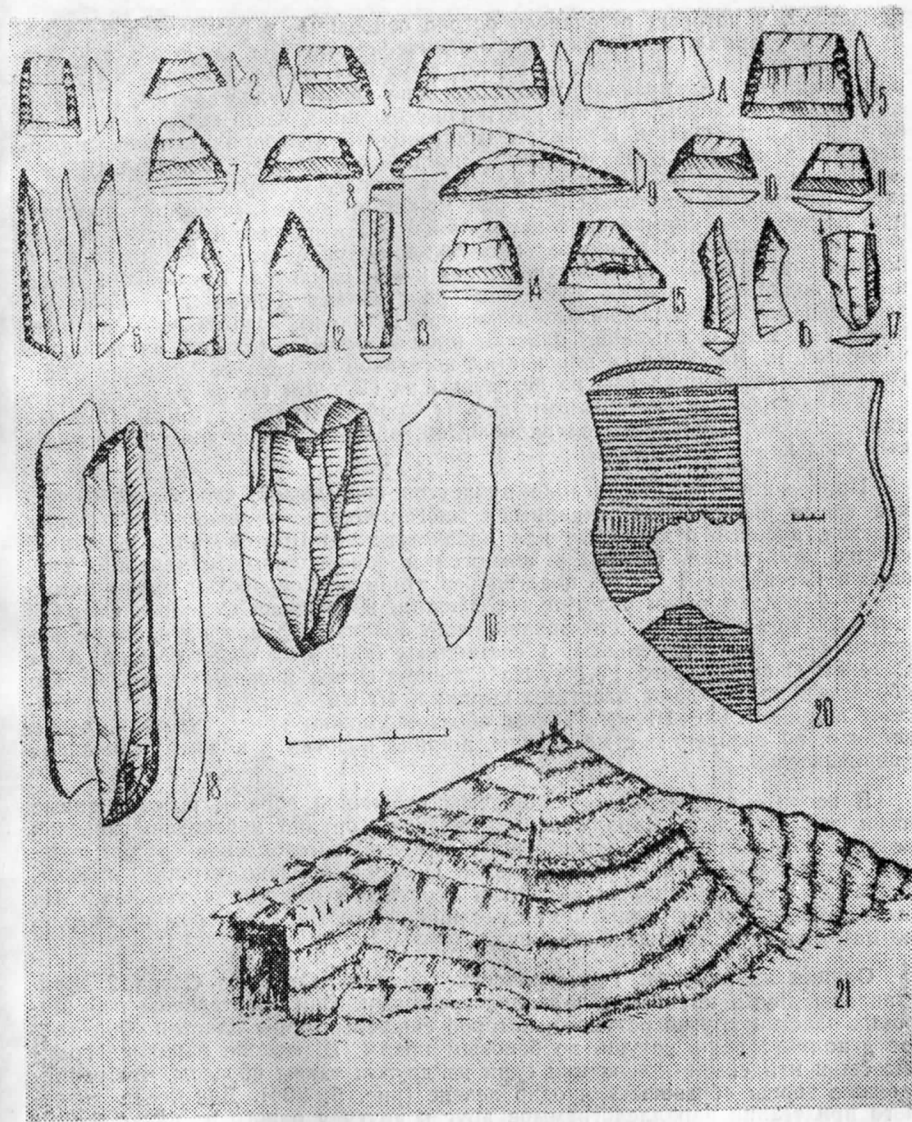

Рис. 4. Находки со стоянок Казахского Притоболья (1—20) и реконструкция жилища Соленого Озера 1 (21). 1, 6 — Амангельды; 7 — 9 — Дузбай 3; 10—15, 18, 20 — Бестамак; 16, 17 — Светлый Джаркуль.

нуклеусов, у которых отсекалось острое основание, в результате чего получалась ударная площадка. Сохранившиеся негативы свидетельствуют о том, что большая часть пластин была сколота с одной площадки. Со второй площадки, как правило, произведено по одному—два снятия. Подпризматические нуклеусы, так же как и конусовидные, чаще всего имеют ровные прямые площадки. Нуклеусы конусовидной и подпризматической формы иногда имеют круговую огранку, но таких нуклеусов сравнительно мало. Подавляющее большинство их имеет тыльную сторону, снятие пластин с которой не производилось. Она может представлять собой естественную поверхность кремневой конкреции или быть покрытой фасетками снятий, нанесившихся в процессе изготовления нуклеуса, как правило, в поперечном направлении по отношению к оси нуклеуса. Кроме конусовидных и подпризматических нуклеусов на стоянках Дузбай 3 и Бестамак единично встречены ребристые нуклеусы. Ребро их изготовлено поперечными сколами. Скалывание пластин производилось только на торцевой поверхности. На боковых плоскостях негативов от снятых пластин нет. Поскольку такие нуклеусы не встречены на Соленом Озере 2, то связь их с маханджарскими материалами весьма проблематична. Помимо целых нуклеусов часто встречаются их обломки, а также поперечные и продольные сколы.

Приведенное выше описание нуклеусов показывает, что в неолитическое время продолжают сохраняться многие черты техники скалывания пластин, впервые отмеченные для Казахского Притоболья в мезолитических памятниках. Однако отмечаются и определенные изменения. Так, если в Евгеньевке 1 45,1% пластин без вторичной обработки имеют ширину 4—7 мм, то таких пластин в коллекции из раскопа Соленого Озера 2 всего 26,7%. Среди орудий разница еще больше. Орудия из пластин шириной 4—7 мм в Евгеньевке 1 составляют 55,8% их общего числа, а на Соленом Озере 2 всего 17,7%. На Соленом Озере 2 среди пластин без обработки преобладают пластины шириной 10 мм, а среди орудий из пластин шириной 13—16 мм. Таким образом, можно констатировать, что в неолите, по сравнению с мезолитом, ширина пластин в целом значительно увеличивается.

В неолите сохраняются все приемы вторичной обработки, отмеченные нами для мезолита. Наряду с изготовлением орудий нанесением краевой ретуши и резцового скола достоверно отмечено изготовление орудий методом шлифования. На стоянке Соленое Озеро 2 найдено четыре отщепы, сколотых со шлифованных орудий и небольшой обломок «утюжка». На этой стоянке найден и фрагмент пряслица, отверстие в котором просверлено методом двухстороннего сверления.

Орудия из пластин. Геометрические орудия Соленого Озера 2 представлены двумя крупными параллелограммами. Они изготовлены из широких пластин крутой ретушью, которой скошены торцы пластин. Оба имеют дополнительную ретушь по боковым краям. В раскопе параллелограммы были найдены в положении один на другом таким образом, что совмещенные торцы образовывали одно лезвие (рис. 5, 28б). Для более плотного прилегания параллелограммов друг к другу у одного из них с бруска по одному из торцов был нанесен широкий плоский скол. (рис. 5, 28). Аналогичные орудия помимо Соленого Озера 2 встречены на Дузбае 3 в раскопе 1980 г. и на Бестамаке (рис. 4, 18). Параллелограмм из Дузбая 3 отличается от них тем, что торцы у него скошены ретушью, нанесенной с бруска. Описанным параллелограммам близок прямоугольник, найденный на Дузбае 3 в раскопе 1979 г. С параллелограммами его сближают довольно большие размеры пластин, из которых он изготовлен, и характер ретуши на торце.

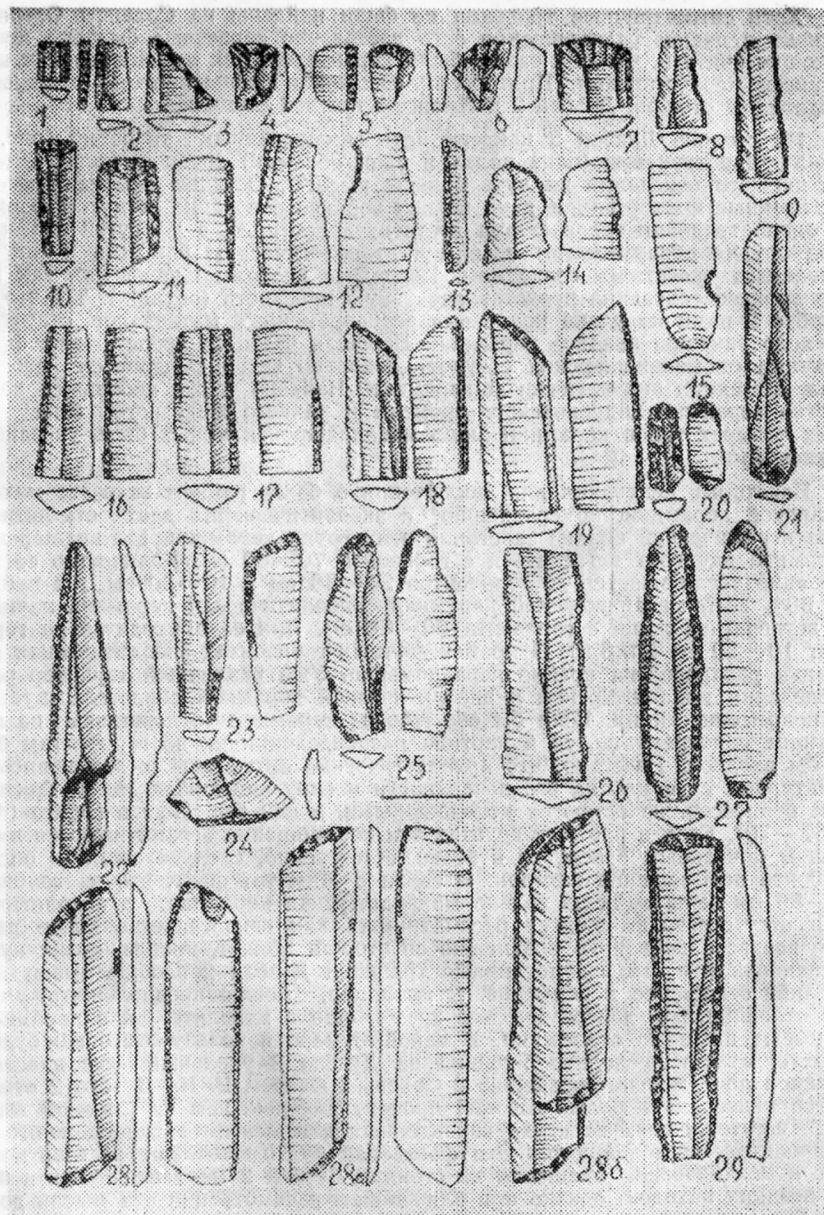

Рис. 5. Находки со стоянки Соленое Озеро 2.

Хотя симметричные трапеции не были найдены на Соленом Озере 2, однако в нашем распоряжении есть достаточно серьезные факты, позволяющие считать, что они также были характерны для маханджарских комплексов Казахстанского Притоболья. Особенно важны в этом отношении материалы стоянки Дузбай 2 и Амангельдинской стоянки.

На стоянке Дузбай 2 найдено пять симметричных трапеций (рис. 4, 2—5). Две трапеции (одна целая и один обломок) средневысокие. Ширина нижнего основания их чуть больше высоты. Остальные орудия имеют удлинённые пропорции. У двух из них верхнее основание вогнутой формы. У одной трапеции такая форма достигнута ретушью, а у другой изломом. Оба орудия обнаруживают известную типологическую близость к так называемым «рогатым» трапециям. Последнее несколько необычно, так как его верхнее основание представляет узкую плоскость (обушок). То, что на Дузбае 2 нами получена коллекция разновременных материалов, становится ясно уже при анализе керамики. Большая часть ее представляется фрагментами от маханджарских сосудов. Довольно четко выделяется небольшая коллекция энеолитической керамики. Найдено также небольшое количество керамики андроновского времени и раннего железного века. Из этих четырех типов керамики лишь маханджарская может быть увязана с трапециями.

Некоторые основания для заключения о более раннем возрасте маханджарской керамики, по сравнению с энеолитической, дает статистико-стратиграфический анализ залегания этих групп керамики. Маханджарская керамика начинает встречаться с горизонта 70—80 см. Количество ее постепенно увеличивается до горизонтов 20—30 см и 10—20 см, где найдено 50% всей маханджарской керамики. Энеолитическая керамика начинает встречаться лишь с горизонта 50—60 см. Пик ее приходится на горизонт 10—20 см (23,6%). В промежуточных горизонтах энеолитическая керамика распределена крайне неравномерно. Уже различный характер распределения маханджарской и энеолитической керамики свидетельствует о разновременности их. Если бы обе группы керамики отложились на памятнике одновременно, то и картина распределения их по горизонтам была бы сходной. Известно, что археологические артефакты, отложившись в культурном слое или на его поверхности в силу описанных М. П. Грязновым процессов, не остаются неподвижными, а как бы тонут в грунте (41, с. 67—70). Если в плотных грунтах эти перемещения ограничиваются в основном почвенным слоем, то в песке, естественно, следует ожидать более глубокого перемещение находок. В связи с этим тот факт, что на глубине 60—80 см была найдена только маханджарская керамика, а энеолитическая отсутствовала, следует рассматривать как свидетельство более раннего возраста первой по сравнению со второй. Может, правда, возникнуть сомнение в том, что симметричные трапеции Дузбая 2 вообще имеют какое-либо отношение к керамике. В принципе, можно предположить, что они отложились в докерамическое время, еще в мезолите, и к керамике не имеют никакого отношения. В какой-то мере в пользу этого как будто свидетельствует несколько больший на Дузбае 2 удельный вес пластин шириной до 7 мм, по сравнению с Соленым Озером 2. На Дузбае 2 отмечается и несколько более высокий процент находок, чем на Соленом Озере 2, изготовленных из столь характерных для мезолита халцедонолитов, алевролитов, яшмокварцитов. Эти факты как будто позволяют поставить вопрос о механическом смещении на стоянке Дузбай 2 мезолитических и более поздних находок, однако при ближайшем рассмотрении эта мысль должна быть отвергнута.

Во-первых, в Казахстанском Притоболье нам неизвестны мезолитические памятники с симметричными трапециями. Материалы Прикаспия и

Среднеазиатского междуречья показывают, что симметричные трапеции, подобные трапециям Дузбая 2, как правило, встречаются в керамических комплексах. Если ранее они были известны только в Джебеле и памятниках джейтунской культуры, то теперь найдены памятники в равнинной части Средней Азии, в материалах которых керамика сочетается с симметричными и даже асимметричными трапециями (37, с. 64—71, 126, 132). Как показали исследования Г. Н. Матюшина на Южном Урале, мезолит этого региона развивался во многом сходным путем с мезолитом Прикаспия. Во всяком случае Г. Н. Матюшин рисует такую же, в общих чертах, линию эволюции геометрических орудий, которая устанавливается по материалам Прикаспия (93, с. 162, 163). Поскольку неолит Южного Зауралья с трудом поддается изучению, во всяком случае в настоящее время он изучен значительно хуже мезолита и энеолита, следует учитывать возможность того, что выделенный в свое время Г. Н. Матюшиным якуткульский (линевский) этап янгельской культуры относится не к мезолиту, а к раннему неолиту. Это представляется достаточно вероятным в свете указанных выше исследований в Среднеазиатском междуречье и появлением маханджарских материалов в Казахстанском Притоболье.

Информация, приведенная В. Ф. Зайбертом и Т. М. Потемкиной, о наличии на некоторых памятниках лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья, относимых ими к мезолиту, мелких симметричных трапеций, параллелограммов представляет определенный интерес, однако отнесение Убагана V, Виноградовки XII и Тельмана IXa к мезолиту постулировано (53). По нашему мнению более вероятен их неолитический возраст. По ряду признаков они хорошо сопоставляются со стоянкой Соленое Озеро 2. Например, для них характерен пластинчатый облик индустрии, близка ширина пластин. На Убагане V и Тельмане IXa найдены крупные, типологически очень близкие к маханджарским, параллелограммы (53, с. 110, рис. 3, 25, с. 119, рис. 9, 36). Отсутствие неолитической керамики на этих памятниках возможно объясняется условиями захоронения (51, с. 7—10).

Во-вторых, о бытовании на маханджарских памятниках симметричных трапеций свидетельствуют материалы Амангельдинской стоянки. Коллекция кремневых находок здесь характеризуется преобладанием орудий из пластин над орудиями из отщепов. Первые составляют 81,5% от суммы орудий из пластин и отщепов. Состав орудий из пластин традиционен для подобных комплексов, в том числе имеются маленькая высокая трапеция, треугольник пережиточной формы, скошенные острия, пластины с прямо обработанным торцом, резцы и т. д. (рис. 4, 1, 5, 6). Вместе с тем связать этот комплекс находок, или часть его, с мезолитом не представляется возможным. В составе сырья специфичные для мезолита породы представлены в том же количестве, что и на стоянке Соленое Озеро 2. Более 90% находок изготовлено из кварцитов и кварцитопесчаников. По ширине пластин Амангельдинская стоянка также существенно отличается от мезолитических памятников. В массе пластины этой стоянки имеют еще большую ширину чем пластины Соленого Озера 2. Коллекция керамики с этого памятника содержит разновременные материалы. Несмотря на фрагментарность керамики, выделенные нами первая и вторая группы ее могут быть идентифицированы с маханджарской. При статистико-стратиграфическом анализе залегания керамики выяснилось, что наибольшее количество этой керамики приурочено к горизонту 25—30 см и к нижележащим горизонтам, то есть она занимает наиболее глубокое положение. Трапеция обнаружена также в горизонте 25—30 см, а треугольник еще глубже, в горизонте 35—40 см. Следовательно, и в данном случае есть основания утверждать, что симметричные трапеции сопутствуют маханджарской керамике.

Помимо Дузбая 2 и Амангельдинской стоянки симметричные трапеции найдены на Бестамаке и Дузбае 1, 3 (рис. 4, 8, 10).

Если в отношении взаимосвязи симметричных трапеций и маханджарской керамики у нас есть факты, свидетельствующие о неслучайном характере такого сочетания, то вопрос о возможности бытования в маханджарское время асимметричных трапеций, как мы уже отмечали, весьма сложен. Встречены они на Бестамаке и Дузбае 3. Трапеции из раскопа 1980 г. Дузбая 3, а также из первого раскопа Бестамака довольно высокие. Боковые стороны их выполнены ретушью, нанесенной со спинки (рис. 4, 7, 15). В раскопе 1979 г. на Дузбае 3 найдена низкая асимметричная трапеция (рис. 4, 9). Наличие на этих памятниках определенного числа находок, изготовленных из халцедонолитов, кремнистых алевролитов и яшмокарцитов и значительный удельный вес микропластин (особенно на Дузбае 3) заставляют учитывать возможность отложения некоторой части коллекций этих памятников в мезолитическое время. Следовательно, этот вопрос остается открытым, поскольку факты, которыми мы располагаем к настоящему времени, не позволяют ответить на него однозначно.

Проблематична связь с маханджарской керамикой и треугольника, найденного на стоянке Дузбай 1. Треугольник равнобедренный, довольно высокий, боковая сторона оформлена ретушью, нанесенной со спинки. Какими-либо данными, свидетельствующими об одновременности маханджарской керамики и этого треугольника на Дузбае 1, мы не располагаем. Это не означает, конечно, что их одновременное бытование исключается. Так же как и в случае с асимметричными трапециями, вопрос этот остается открытым.

Таким образом, для маханджарской культуры характерны такие виды геометрических орудий как крупные параллелограммы, близкие им по размерам прямоугольники, а также симметричные трапеции, в том числе и «рогатые». Не исключено полностью также и бытование асимметричных трапеций и треугольников.

Пластины со скошенным торцом являются обычной находкой на маханджарских памятниках. На Соленом Озере 2 они изготовлены из сечений пластин и составляют около 3% всех орудий из пластин (рис. 5, 3, 18, 19, 23). Помимо Соленого Озера 2 этот тип орудий встречен на всех памятниках, давших маханджарскую керамику. Чаще всего торец скошен под острым углом. Орудия, у которых торец скошен под углом более 45°, встречаются значительно реже. Обычно торец скошен ретушью, нанесенной со спинки, однако единично встречаются скошенные острия, у которых торец обработан ретушью, нанесенной с брюшка и даже встречной ретушью. Особо следует отметить, что на Дузбае 2 встречено острие, сильно напоминающее по форме острия янцзлавидного типа. Основание его проработано двухсторонней подтеской. Помимо ретуши на торце довольно часто отмечается ретушь на боковых гранях.

Пластины с прямым ретушированным торцом также обычны для маханджарских памятников, включая и стоянку Соленое Озеро 2. На Соленом Озере 2 их обнаружено столько же, сколько и пластин со скошенным торцом. В подавляющем большинстве случаев ретушь на торце наносилась со спинки (рис. 4, 13; 5, 1).

Пластины с выемкой на торце не были найдены на Соленом Озере 2. Они отсутствуют также в коллекциях Амангельдинской стоянки и Дузбая 2. На Бестамаке выемки наносились не на сечениях пластин, а на кон-

цевых частях. Вероятнее всего эти орудия не имеют отношения к маханджарской культуре, но полной уверенности в этом нет.

Такое же положение и со встреченными на Алкау 2, Бестамаке и Дузбае 3 пластинами с участками ретуши на естественных кончиках пластин. Форма этих ретушированных участков может быть округлой или прямой в зависимости от естественных очертаний кончика пластины.

Пластины с притупленным краем найдены на всех маханджарских памятниках. На стоянке Соленое Озеро 2 они составляют более 8% всех орудий из пластин. Изготавливались они из сечений пластин. Большая часть орудий не имеет ретуши на торцах, однако встречаются экземпляры, у которых ретушированы и торцы. Обычно ретуширован один торец, при этом он может быть прямым и скошенным. Иногда встречаются пластины с притупленным краем и обоими ретушированными торцами.

Резцы из пластин также характерны для всех маханджарских стоянок. В коллекции Соленого Озера 2 они составляют более 9% всех орудий из пластин. На этом памятнике встречены только орудия с одним резцовым сколом на углу пластины у поперечного излома. Угловые резцы с резцовыми сколами на одном углу пластины встречены и на других памятниках. Довольно часто они имеют ретушь по боковому краю. На стоянках Алкау 2, Дузбай 3, (раскоп 1980 г.), Амангельды и Бестамак встречены резцы с двумя резцовыми сколами у одного поперечного излома пластины. Резцы с двумя резцовыми сколами, нанесенными по одному краю пластины, встречены на Бестамаке, Дузбае 1 и Амангельдинской стоянке. Три резцовых скола на трех углах пластины отмечено только у резца из Дузбая 1, а четыре скола на четырех углах у орудия из Амангельдинской стоянки.

Боковые резцы найдены на Бестамаке, Дузбае 3 и Алкау 2. Только на Бестамаке встречены резцы, лезвие которых оформлено на углу пластины сочетанием резцовых сколов, снятых по боковому краю пластины и перпендикулярно ему.

Связь этих разновидностей резцов, за исключением орудий с одним угловым резцовым лезвием, с маханджарскими материалами в настоящее время не может быть доказана, так как они отсутствуют в коллекции Соленого Озера 2. Вместе с тем не исключено, что в будущем такая связь подтвердится.

Наконечники стрел из пластин отсутствуют в коллекции Соленого Озера 2 и, видимо, для маханджарской культуры не характерны. Правда, на стоянке Дузбай 2 найден обломок острия, напоминающий кончик наконечника стрелы. Но он с равным успехом может быть отождествлен и с кончиком проколки. На Амангельдинской стоянке довольно много (12) наконечников, но отложились они вероятно с более поздней, чем маханджарская, керамикой. Это подтверждается в частности тем, что идентифицируемая нами с маханджарской керамика первой и второй групп, так же как и геометрические орудия, приурочена на 4—7 линиях раскопа в основном к горизонту 25—30 см и нижеследующим горизонтам, а наконечники встречены в горизонте 25—30 см и выше. Найдены они и на Бестамаке (рис. 4, 12).

Острия из пластин на стоянке Соленое Озеро 2 представлены сверлами (рис. 5, 20, 25). Одно изготовлено противоположающей ретушью, а другое—крутой ретушью, нанесенной со спинки. Видимо сверлами является и часть острий из пластин Дузбая 2 и Бестамака. Судя по острому кончику, часть острий, найденных на Бестамаке, Дузбае 2, Дузбае 3 и Амангельдинской стоянке, выполняли функции проколки.

Скребки из пластин для маханджарских памятников характерны в той

же мере, что и для мезолитических. На Соленом Озере 2 они составляют более 4% всех орудий. Абсолютно преобладают концевые скребки с одним концевым лезвием (рис. 5, 7, 10, 11, 29).

Самой многочисленной группой орудий из пластин являются пластины с ретушью по боковым краям. Часто ретушью выполнены на боковых краях слегка вогнутые лезвия, некоторые из них типологически приближаются к пластинам с выемками, которые, хотя и редко, но встречаются на маханджарских памятниках, в том числе они найдены и на стоянке Соленое Озеро 2. Очень редко встречаются пластины, у которых выемки и вогнутые участки лезвий расположены на углу у поперечного излома пластины. Эти орудия типологически близки резчикам и возможно выполняли аналогичные функции (рис. 5, 12, 14, 15, 23).

Орудия из отщепов. При характеристике орудий из отщепов мы можем оперировать в основном материалами стоянки Соленое Озеро 2. На других памятниках, как уже отмечалось, маханджарские материалы смешаны с более поздними, в том числе в ряде случаев и с находками терсекской культуры, для которой характерен отщеповой комплекс орудий с большим количеством скребков и двусторонне обработанных наконечников. Использование материалов стоянок со смешанными коллекциями могло бы привести к искаженной характеристике набора орудий.

Орудия из отщепов, найденные на стоянке Соленое Озеро 2, представлены скребками (7 экз.) и отщепами с небольшими участками ретуши. Скребки концевые с выпуклым лезвием (рис. 5, 4—6).

При сборе находок с поверхности стоянки Соленое Озеро 2 были найдены также обломок перьевой части двусторонне обработанного наконечника и прокола из отщепов. Поскольку в ходе раскопок двусторонне обработанные орудия не были найдены, то приходится пока считать эту находку случайной и не связанной с основным комплексом.

Прочие находки. На стоянке Соленое Озеро 2 помимо кремневых находок и керамики было найдено четыре отщепов, сколотых со шлифованных орудий, фрагмент «утюжка» и обломок каменного шлифованного пряслица. Как ни мало число этих орудий, они однозначно свидетельствуют, что маханджарское население хорошо было знакомо со шлифованием и сверлением. На других памятниках шлифованные орудия также найдены, но из-за смешанности коллекций убедительно связать их с маханджарской керамикой нельзя.

Сложен вопрос и с костяными орудиями. На Соленом Озере 2 они не были обнаружены, однако на стоянке Дузбай 1 в заполнении второго сооружения, которое, как уже отмечалось выше, мы склонны связывать с маханджарской культурой, вместе с симметричной трапецией и треугольником были найдены три небольших лопаточки, изготовленные из кости. Учитывая эти находки, можно предположить, что при дальнейшем изучении будут найдены новые находки из кости маханджарского времени.

Вопросы хронологии и культурной принадлежности. Сравнение маханджарских материалов с материалами мезолитических памятников Казахстанского Притоболья показывает, что они имеют как сходные, так и различные черты. При сопоставлении кремневых находок мезолитической стоянки Евгеньевка 1 и Соленого Озера 2 обращает на себя внимание различия в сырье для изготовления орудий и ширине пластин (см. стр. 5—13).

В наборе орудий различия менее заметны. Существенные и бесспорные отличия отмечаются лишь в типах геометрических орудий. Для мезо-

лита характерны асимметричные трапеции, а для неолита симметричные трапеции и крупные параллелограммы.

Отмеченные выше черты различия в кремневой индустрии мезолитических и маханджарских памятников, по нашему мнению, свидетельствуют прежде всего об их разновременности. При этом маханджарские памятники имеют явно более поздний возраст, чем памятники типа Евгеньевки 1, хотя бы уже потому, что им присуща керамика.

Вместе с тем черты сходства кремневой индустрии маханджарских и мезолитических памятников не менее существенны, чем черты различия. Для обеих групп памятников характерен ярко выраженный пластинчатый облик индустрии. Более 90% орудий мезолитических памятников изготавливалось из пластин. На Соленом Озере 2 процент орудий из пластин не намного меньше (81,4%).

Набор орудий, как только что отмечалось, в мезолитических и неолитических памятниках в основных чертах одинаков. Отличия отмечаются лишь в форме некоторых типов орудий и в присутствии в неолитических коллекциях шлифованных орудий.

Сходство этих существенных признаков кремневой индустрии свидетельствует о том, что маханджарские стоянки продолжают линию развития мезолитических памятников Казахстанского Притоболья. Скорее всего во времени они следуют за мезолитическими, верхняя граница бытования которых и определяет нижнюю границу бытования маханджарских памятников, которая должна быть в связи с этим отнесена к концу VII — началу VI тыс. до н. э.

Для определения верхней границы большое значение имеют симметричные трапеции. В Джебеле симметричные мелкие трапеции начинают встречаться со слоя 5а, где они сочетаются с асимметричными. В слое 5 найдены только симметричные трапеции, а в слое 4 найдена одна симметричная трапеция и кельтеминарские наконечники (108, с. 164). Датировка четвертого слоя примерно концом V — началом IV тыс. до н. э. у специалистов в настоящее время особых возражений не вызывает (37, с. 133; 65, с. 107). По мнению А. В. Виноградова, уделившего довольно много внимания в одной из своих работ выяснению времени бытования симметричных трапеций в Средней Азии и Казахстане, они на этой территории прекращают существование в период времени, соответствующий отложениям 4 слоя Джебела (37, с. 121—133). Следовательно, если исходить только из аналогий трапеций маханджарских памятников, то по современным представлениям маханджарская культура соответствует по времени 5—4 слоям Джебела, а возможно и 5а слою. Возможность синхронизации маханджарской культуры с 5а слоем вытекает из факта наличия на Бестамаке и Дузбае 3 асимметричных трапеций, связь которых с маханджарской керамикой не исключена, хотя и не может быть доказана. Косвенным свидетельством в пользу возможности такой взаимосвязи являются материалы стоянок Учачи 131, Оюклы 1 и Оюклы IV, где асимметричные и симметричные трапеции сочетаются с керамикой, во многом сходной с маханджарской (37, с. 126, рис. 56).

Близость кремневой индустрии маханджарских памятников с кремневой индустрией 5а—4 слоев Джебела не ограничивается только формами трапеций, сходны и другие более простые типы орудий. Обращает на себя внимание и то, что эти слои Джебела близки маханджарским памятникам и по соотношению орудий из пластин и отщепов. В 5 и 5а слоях Джебела орудия из пластин составляют более 70% от всех орудий из пластин и отщепов, а в слое 4 — более 80%. В коллекции кремневых орудий четвертого слоя Джебела по сути отмечается лишь одно существенное отличие

от маханджарских памятников. Здесь найдены кельтеминарские наконечники, не встреченные ни на одной маханджарской стоянке. В Казахстане Притоболье они известны лишь на стоянке Светлый Джаркуль (рис. 4, 16). Маханджарская керамика на этом памятнике не известна.

Исследования последних лет позволили А. В. Виноградову в Среднеазиатском междуречье выделить целую группу неолитических памятников, которые он отнес к раннекельтеминарскому, дарьясайскому этапу. Для этих памятников характерны трапеции и отсутствие кельтеминарских наконечников. Они появляются позднее, на следующем, джанбасском этапе (37, с. 132, 133). Учитывая, что в Казахстане Притоболье такие наконечники найдены на стоянке Светлый Джаркуль, а в Зауралье и лесостепном Притоболье их найдено много, следует предположить, что маханджарская культура к периоду широкого распространения их уже прекратила свое существование (35, с. 3—8; 141, с. 119—122). Отсюда следует, что она в целом должна быть синхронна памятникам дарьясайского этапа неолита Среднеазиатского междуречья. А. В. Виноградов датирует его от конца VII до середины (или 3-й четверти) V тыс. до н. э. (37, с. 132).

Примерно такие же результаты мы получаем и по керамике. Орнаментация маханджарской керамики находит самые широкие аналогии в памятниках значительного хронологического диапазона. Более того, мелкие фрагменты маханджарских сосудов по орнаменту, а часто и по технологическим признакам, в большинстве случаев невозможно отличить от керамики терсекских памятников. Другое дело форма сосудов. На Южном Урале и в Нижнем Притоболье сосуды такой формы неизвестны. В бассейне Ишима известна только одна стоянка с аналогичной керамикой — Жабай-Покровка 1. На этом памятнике не найдены целые сосуды, но имеющиеся в коллекции крупные фрагменты верхних частей двух сосудов настолько выразительны, что однотипность их с маханджарскими не вызывает сомнений (50, с. 272, табл. 272). Жабай-Покровку 1 В. Ф. Зайберт отнес к раннему этапу неолита Северного Казахстана, который он датировал от конца VII — начала VI тыс. до н. э. до V—IV тыс. до н. э. (50, с. 127; 51, с. 13).

На юге керамика маханджарской культуры находит наиболее близкие аналогии опять-таки в материалах стоянок дарьясайского этапа неолита Кызылкумов. На стоянках Учащи 131, Учащи А сосуды, по форме сходные с маханджарскими, достаточно обычны (37, с. 69, рис. 20, 4, 6, с. 92, рис. 38, 12, с. 128, рис. 57). Отмечены они также и в оюклинских памятниках (37, с. 128, рис. 57, 11—17; 82, с. 76, рис. 5, 2, 7, 10—18). Стоянка Учащи 131 имеет две даты для VI, перекрывающего V «учащинский» горизонт, торфяного слоя: 6630 ± 100 и 6590 ± 130 (33, с. 268). А. В. Виноградов, ссылаясь на Э. Д. Мамедова, считает, что «для накопления пойменного аллювия, разделяющего V и VI горизонты, потребовалось, видимо, не более 300—500 лет» (34, с. 56; 37, с. 132). Отсюда он делает закономерный вывод о том, что время бытования Учащи 131 не выходит за пределы VI тыс. до н. э. (37, с. 132). Радиоуглеродные даты Учащи 131 в целом соответствуют данным, полученным с помощью сравнительно-типологического метода (36, с. 90—93; 37, с. 120—132).

Наконец, нельзя не сказать несколько слов и о тех аналогиях, которые находит маханджарская керамика в памятниках сурско-днепровской культуры. Именно здесь найдены сосуды, форма которых наибольшим образом соответствует форме маханджарских сосудов вообще и сосудов стоянки Соленое Озеро 2 в частности. Эта керамика отмечена на таких памятниках как Стрильча Скеля, Виноградный остров, Сурской остров II (44, с. 186—188, рис. 3; 125, с. 140, рис. 67, 27, 28).

Для кремневых инвентаря сурско-днепровской культуры характерен пластинчатый облик индустрии, в том числе встречаются и трапеции. На Шулаевом острове, например, в пункте П орудия из пластин составляют 70% всех орудий (11, с. 255—258; 43, с. 129—131). В. Н. Даниленко время существования сурско-днепровской культуры определяет периодом от конца VII — начала VI тыс. до н. э. до начала IV тыс. до н. э. Д. Я. Телегин ранние этапы сурско-днепровской культуры относит к концу VI тыс. до н. э., а поздние — к началу IV тыс. до н. э. (127, с. 46—47, рис. 1).

Отмеченные в оюклинских, кызылкумских и сурско-днепровских памятниках соответствия в кремневом инвентаре и формах керамики, на наш взгляд, не могут означать ничего другого как одновременное в рамках крупной эпохи их бытование. Предполагать на основании отмеченных черт сходства единство этнокультурного плана нельзя уже в силу большой протяженности разделяющих эти три региона пространств. Противоречат этому и весьма существенные различия в орнаменте, а ему, как известно, придается большое значение в этнокультурных построениях.

Обращает на себя внимание тот факт, что все эти памятники расположены в степной зоне. Отсюда можно констатировать определенную общность географической обстановки, в которой жили оставшиеся их люди. Сходство условий обитания, видимо, порождало в той же степени сходный хозяйственный быт. Поскольку орудия труда и форма сосудов наиболее тесно связаны с хозяйственным бытом, в значительной мере являются производными от него, то эта общность в них и отразилась. Изменения климатической обстановки, развитие производительных сил приводили к изменению хозяйственного быта, что влекло за собой изменение набора требований к орудиям труда и к формам сосудов, которые видоизменялись в соответствии с новыми требованиями. Эти изменения происходили в различных частях степной зоны СССР одинаково и, видимо, в общем одновременно (81, с. 158—160). Следовательно, в данном случае есть все основания за сходством общего облика индустрии, набора орудий и формы сосудов видеть определенное хронологическое единство рассмотренных выше памятников. Таким образом, памятники маханджарской культуры должны датироваться в диапазоне времени от конца VII — начала VI тыс. до н. э. до конца V — начала IV тыс. до н. э. Этому не противоречат и наличие на некоторых памятниках маханджарской керамики с намекающимся воротничком. Предложенная датировка не исключает возможности частичного сосуществования маханджарской культуры с самарскими памятниками, которые И. Б. Васильев датирует IV тыс. до н. э. (24, с. 7).

Выше, при рассмотрении вопросов датировки маханджарских памятников, основное внимание было уделено тем чертам маханджарской культуры, по которым она обнаруживает сходство с памятниками других культур. Это естественно, так как вновь открытую культуру датировать первоначально можно лишь опираясь на признаки, общие для территориально широкого круга памятников, расположенных предпочтительно в одинаковых или сходных ландшафтных условиях. Однако памятники маханджарской культуры не имели бы права так называться, если бы им не были присущи черты, резко отличающие их от памятников других культур. Такой отличительной чертой рассматриваемых памятников является их керамика. Отдельные признаки, характеризующие маханджарскую керамику, как отмечалось нами при описании керамического комплекса, находят аналогии в очень широком территориально и хронологически круге памятников, но сочетание этих признаков присуще только маханджарским сосудам.

Известно какое большое значение придается керамике при культурной атрибуции археологических материалов. Важность этой категории нахо-

док для определения культурной принадлежности памятников подтверждена всей практикой археологии. Именно в силу оригинальности комплекса признаков керамики маханджарских памятников и был поставлен вопрос о выделении их в особую неолитическую культуру. Название культуры дало стоянка Маханджар—первый найденный нами памятник, материалы которого позволили осознать это явление.

Маханджарская культура, видимо, была типичным явлением для неолитической эпохи (VI—V тыс. до н. э.) евразийских степей. Отмеченные выше соответствия кремневой индустрии и керамики маханджарских, среднеазиатских (Оюклы 1, 4, Учачи 131 и др.) и сурско-днепровских памятников позволяют надеяться, что и на промежуточных территориях степной зоны со временем будут открыты культуры, в общих чертах аналогичные маханджарской.

Глава III. ЭНЕОЛИТ

В понимании содержания термина «энеолит» мы следуем за Н. Я. Мерпертом, который, по нашему мнению, дал наиболее полную и близкую к истине трактовку его применительно к памятникам степной зоны (102, с. 3—26). Суть его концепции заключается в следовании тем принципам, которые легли в основу первых систем археологической периодизации. Жизнеспособность их доказана всей практикой археологической науки. Созданные на основе этих принципов системы периодизации работают, и прав Н. Я. Мерперт, когда говорит, что они требуют не замены, а «постоянного развития и обогащения» (102, с. 5).

Первым по значимости признаком энеолита он называет распространение медных орудий. Именно распространение, а не производство их. Независимо от того, где были изготовлены медные орудия — на месте или же были «импортированы» в данный район из центров, расположенных на другой территории — появление меди «оказывало определенное воздействие на жизнь общества» (102, с. 4, 5). При этом для отнесения к энеолиту того или иного памятника или группы памятников какого-либо региона совсем необязательно ждать обнаружения находок из металла. Вполне достаточно установления схождения по другим важнейшим признакам материальной культуры (керамика, орудия труда, погребальный обряд и т. д.) вновь открытых памятников с памятниками других территорий, давших металл, в особенности если они расположены в экологически сходных условиях (102, с. 11).

Исходя из этих позиций и решался нами вопрос об отнесении тех или иных материалов Казахского Притоболья к энеолитической эпохе.

Ранний энеолит. Материалы раннего энеолита обнаружены на стоянке Алкау 2 и поселении Бестамак. Оба памятника дали коллекции разновременных находок, датируемых от неолита до эпохи бронзы включительно. Материалы раннего энеолита выделены из этих коллекций типологически. Поскольку топографическая приуроченность памятников уже освещалась ранее, то здесь мы на ней останавливаться не будем. Для этого периода в нашем распоряжении нет никакой информации о жилых и хозяйственных постройках, поэтому сразу переходим к характеристике керамики и кремневых находок. В силу «ущербности» имеющих в нашем распоряжении материалов мы можем дать характеристику, да и то далеко не полную, только этих двух категорий находок.

Керамика. К этому времени отнесена 3-я группа керамики поселения Бестамак. Большая часть ее имеет плотное тесто с примесью песка. Сосуды имели прямую высокую шейку, довольно сильно отогнутую наружу. Срез венчика обычно уплощенный, единично отмечены венчики округлой и приотстренной формы. Тулово умеренно раздутое. Формы дниц не ус-

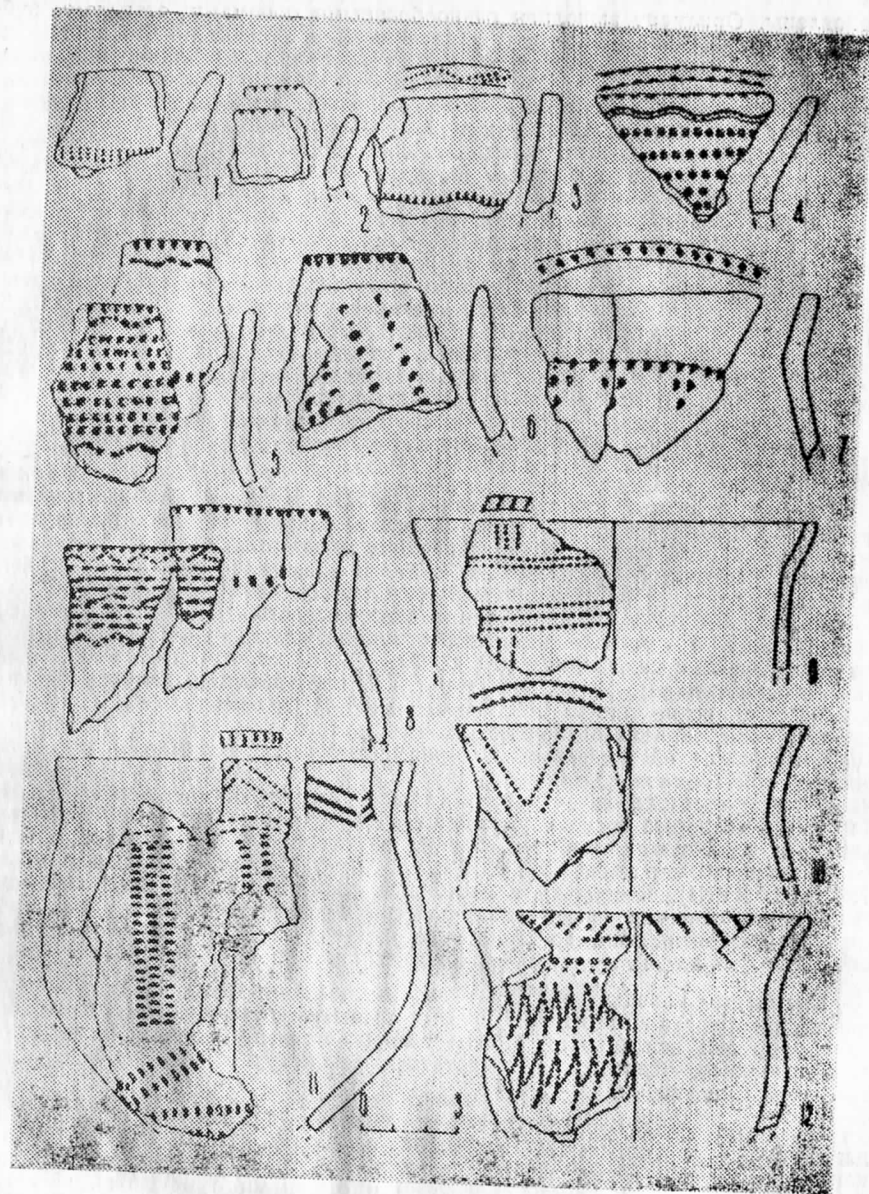

Рис. 6. Раннеэнеолитическая керамика. 1—4, 7, 9—12 — Бестамак; 5, 6, 8 — Сулуколь 1.

тановлены. Орнамент выполнен разнообразными приемами: отисками зубчатого штампа, прочерчиванием, вдавлениями и насечками. Внешнее нанесение орнамента также наблюдается существенные различия. Внешняя поверхность части сосудов украшена очень скупо или совершенно лишена орнамента. На Бестамаке около половины керамики этой группы украшено зубчатым штампом, которым выполнены горизонтальный зигзаг, горизонтальные линии, горизонтальные ленты качалки и ряды отпечатков косо поставленного штампа. В орнаментации примерно пятой части керамики отмечено сочетание зубчатого штампа с насечками или вдавлениями. Встречены также сосуды, орнаментированные насечками, вдавлениями и волнистыми линиями (рис. 6). Бедно орнаментированная керамика этой группы, а также керамика, украшенная прямыми аналогиями в сложными линиями, насечками и вдавлениями, находит прямые аналогии в сложенно профилированной керамике боборыкинской культуры (57, с. 25, рис. 2; 18; 61, рис. 3; 67, с. 36, рис. 8; 73, табл. XVII). Определенное сходство отмечается и с керамикой сырдарьинских стоянок Космола 2, 5 (37, с. 92, рис. 38, 8, 9, 30—35). В факте обнаружения в Казахском Притоболье керамики, близкой боборыкинской ничего удивительного нет. Боборыкинские памятники хорошо известны в лесостепном Притоболье, причем последнее время они обнаружены и на крайнем юге лесостепной зоны (61, с. 92).

Следует отметить, что часть нашей керамики, имея «боборыкинскую» форму, орнаментирована зубчатым штампом, однако отчленив их на этом основании от собственно «боборыкинских» думать нельзя. Во-первых, наличие гребенчатой орнаментации возможно является локальной особенностью Казахского Притоболья, во-вторых, вплоть до настоящего времени Казахского Притоболья, во-вторых, вплоть до настоящего времени «чистые» боборыкинские памятники неизвестны. В. Т. Ковалева сообщает лишь о «чистых» комплексах жилищ, но сами жилища найдены на многослойных памятниках (60, с. 70—73; 61, с. 91). Поскольку чистых памятников нет, то не исключено, что исследователи интерпретируют как боборыкинские только бесспорные находки, а сомнительные (с гребенчатой орнаментацией) отчленивают. В пользу того, что типично боборыкинская и близкие ей по форме, но орнаментированные зубчатым штампом, сосуды одновременны, свидетельствуют и факты сочетания в орнаменте части сосудов отисков зубчатого штампа, насечек и вдавлений (рис. 6, 11, 12). Некоторые сосуды, украшенные отступающей палочкой и прочерченными волнистыми линиями, близки не столько боборыкинской, сколько кошкиской керамике (57, с. 27, рис. 3; 61, с. 93, рис. 1; 62, с. 59; 73, табл. XVIII). Поскольку в настоящее время как будто всеми исследователями признается генетическое родство между кошкискими и боборыкиными памятниками, то видимо не будет большой ошибки, если мы объединим их в один крупный хронологический пласт.

Кремневые находки. В силу указанных выше причин дать сколь-нибудь полную характеристику сопутствующему керамике этого типа комплексу орудий невозможно. Можно лишь, опираясь в основном на материалы нижнего Притоболья, попытаться реконструировать наиболее общие черты индустрии.

На кошкиско-боборыкинских памятниках в составе орудий преобладают орудия из пластин (57, с. 22; 61, с. 92; 67, с. 34). Среди них: наконечники стрел, острия, резцы, провертки, скребки. Орудия из отщепов представлены лишь скребками и отщепами с ретушью. Обычны шлифованные орудия: топоры и тесла (60, с. 81—92; 61, с. 92; 67, с. 34). На наших памятниках Алкау 2 и Бестамак, давших керамику кошкиско-боборыкинского облика, все эти типы орудий имеются. Таким образом, в настоящее время можно лишь предполагать, что кремневая ин-

дустрия и набор орудий «чистых» раннеэнеолитических памятников Казахского Притоболья в общих чертах будет соответствовать кошкиско-боборыкинскому.

Поздний энеолит Казахского Притоболья представлен памятниками терсекского типа. Впервые в археологической литературе они получили освещение в работах А. А. Формозова, который опубликовал материалы двух памятников этого типа: стоянок Терсек-Карагай и Коль. Им же для обобщенной характеристики памятников типа стоянки Терсек-Карагай был введен в литературу термин «терсекские стоянки» (135, с. 74).

В настоящее время материалы позднего энеолита известны на Соленом Озере 1, Дузбае 2, 3, Бестамаке, Евгеньевке 2, Ливановке 1, Малом Аксуате, Терсек-Карагае, Кара-Мурзе 9 и на стоянке у озера Коль. К этому же времени относится клад, найденный в местности Аксу южнее Кустаная. Стационарные работы проводились на Бестамаке, Дузбае 2, 3, Соленом Озере 1. Из них лишь стоянка Соленое Озеро 1 дала «чистый» комплекс находок. Помимо нее представительные «чистые» комплексы получены в ходе разведочного обследования стоянок Евгеньевка 2 и Ливановка. Таким памятником является и клад Аксу. Характеристика материальной культуры памятников терсекского типа дается на основе анализа «чистых» коллекций.

Только клад Аксу найден на берегу Тобола, являющегося наиболее значительной рекой региона. Стоянки Соленое Озеро 1, Малый Аксуат, Коль, Евгеньевка 2, Ливановка расположены по берегам озер, а стоянка Терсек-Карагай приурочена к роднику. Остальные памятники найдены на малых речах, которые текут только весной.

Сооружения. На Соленом Озере 1 раскопаны остатки сооружения, которое достаточно уверенно можно интерпретировать как жилище.

Всего на этом памятнике вскрыто 436 кв. м. Жилище обнаружено в восточной части раскопа. К сожалению, верхняя часть его котлована была разрушена во время закладки противопожарной полосы. Длина и ширина сохранившейся части котлована равны примерно 6 м. Наибольшая глубина достигает 0,8 м от современной поверхности. Из конструктивных элементов следует отметить наличие выступа в северной части жилища, которым возможно фиксируется выход из него, и 16 столбовых ям. Большая часть столбовых ям концентрируется в центральной части котлована. Расположение столбовых ям и очертания котлована позволяют предполагать, что жилище округлое, шалашеобразное (рис. 4, 21). Отмечено несколько линз темно-серого (местами черного) песка с мельчайшими углистыми включениями. В центре жилища отмечено скопление костей, керамики и кремневых находок, а у северо-западного края четыре скопления мелких отщепов и чешуек. Последние вероятно фиксируют места обработки кремня.

Примерно в 4 км к югу от жилища обнаружена хозяйственная яма. Она фиксировалась по интенсивной темной (черной) окраске заполнявшего ее песка. Яма имеет форму неправильного круга диаметром 0,8—1,0 м. Глубина 0,8 м от перекрывающего ее слоя серовато-желтого песка. В заполнении обнаружено большое число костей животных, отщепов и обломков орудий. Рядом с ней найден развал сосуда. Вполне вероятно, что яма и жилище составляют один комплекс.

Керамика. Сосуды изготавливались довольно тщательно. Черепки средней плотности. Иногда встречаются рыхлые. Внутренняя поверхность часто заглажена зубчатым штампом.

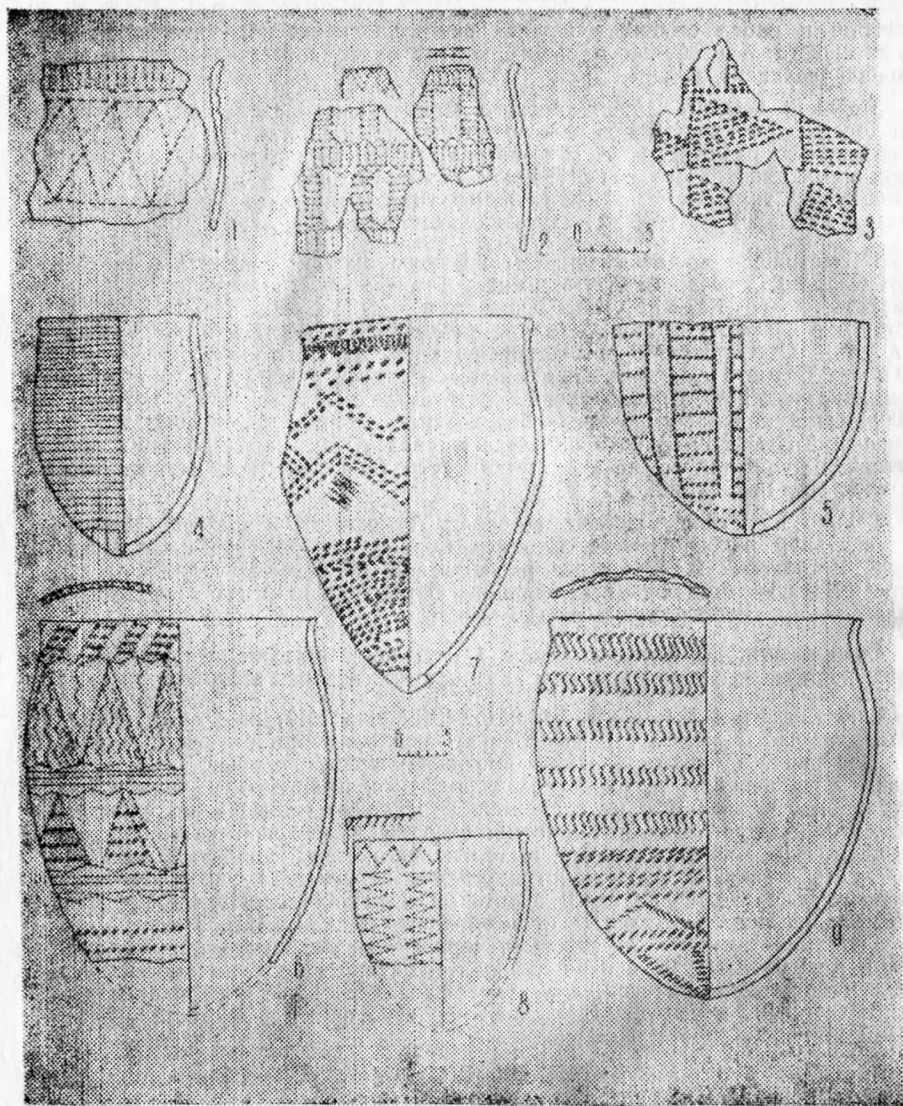

Рис. 7. Терсекская керамика. 1—4, 6, 9 — Соленое Озеро 1; 5 — Евгеньевка 2; 7 — Дузбай 3; 8 — Ливановка.

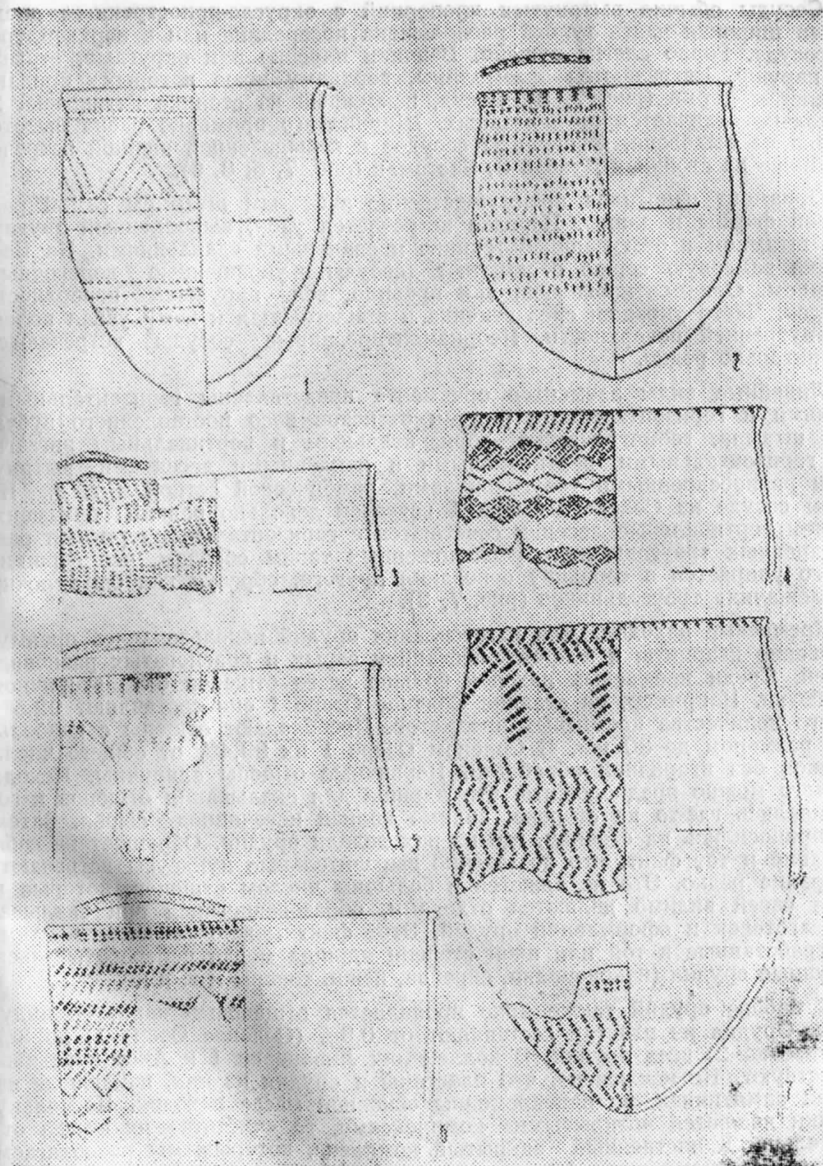

Рис. 8. Терсекская керамика пос. Бестамак.

Сосуды обычно вытянутых пропорций с округло-приостренным дном. Самая широкая часть тулова расположена посередине или в верхней трети сосуда. Горло слегка сужено. Венчики плоские или округлые, отогнуты наружу. Встречаются экземпляры, верхнему краю которых придана волнистая форма (рис. 7, 8). Сосуд, найденный на стоянке Евгеньевка 2, несколько отличается от описанных. Ширина его примерно равна высоте. Шейка не выделена. Фрагменты сосудов с невыделенной шейкой встречаются также на стоянках Дузбай 3, Бестамак (рис. 7, 5; 8, 6).

Орнамент наносился преимущественно зубчатым штампом самой различной формы и длины. Изредка встречается узор, выполненный двухзубым штампом в отступающей технике и овальными вдавлениями. На Бестамаке заметную серию составляют сосуды, украшенные веревочным штампом. Орнаментировалась, как правило, вся наружная поверхность сосудов. Часто украшен срез венчика и прилегающая к нему узкая полоска внутренней поверхности. Неорнаментированные сосуды встречаются сравнительно редко.

Линейные виды элементов орнамента представлены горизонтальными линиями и горизонтальными рядами оттисков косо поставленного зубчатого штампа, геометрические — горизонтальным и вертикальным зигзагами, горизонтальными, вертикальными и наклонными лесенками, вытянутыми равнобедренными треугольниками, ромбической сеткой и т. д. На одном сосуде из Соленого Озера 1 встречен довольно редкий орнамент. На нем вертикальные лесенки сочетаются с горизонтальными рядами равнобедренных треугольников, расположенных таким образом, что вершина одного упирается в середину основания другого, образуя как бы цепочку из «лежащих» треугольников (рис. 7, 3).

Кремневые находки. Для изготовления орудий использовались преимущественно кварциты и кварцито-песчаники серых и красноватых разновидностей. Среди кремневых находок больше всего отщепов без вторичной обработки. Например, на стоянке Соленое Озеро 1 они составляют 92,5% общего количества кремневых предметов. Преобладают отщепы с наибольшим размером до 30 мм. В Соленом Озере 1 их 99,4% от общего числа отщепов без вторичной обработки. Первичные отщепы единичны. Исходя из этого можно предположить, что ядрища для скалывания отщепов изготавливались где-то на стороне, видимо вблизи источников сырья. Затем они приносились на стоянку, где из них делали орудия. Обращает на себя внимание и тот факт, что достаточно выразительные нуклеусы встречаются крайне редко. Это не вяжется с большим числом отщепов, которые в массе своей видимо являются отходами, образовавшимися при скалывании заготовок и оформлении орудий. Этот факт можно объяснить тем, что сработанные в той или иной степени ядрища могли перерабатываться в крупные орудия (наконечники, скребла, ножи, топоры и т. д.).

В наборе орудий также ярко проявляется отщеповый характер индустрии. Орудия из пластин составляют от 0,9% (Соленое Озеро 1) до 3% (Евгеньевка 2) всех орудий. В коллекциях Ливановки 1 и Аксу пластины отсутствуют. Не исключено, что пластины и орудия из них, найденные на других памятниках, не одновременны основной массе находок. Поскольку стоянки являются «открытыми» комплексами, то «чистота» их всегда относительна. Единственный закрытый комплекс, которым мы располагаем в настоящее время, клад Аксу не дал пластин.

Орудия из пластин представлены в основном пластинами с ретушью по боковым краям, значительно реже встречаются скребки (рис. 9, 7).

Наиболее многочисленную группу орудий из отщепов представляют скребки. Во всех «чистых» комплексах они составляют примерно полови-

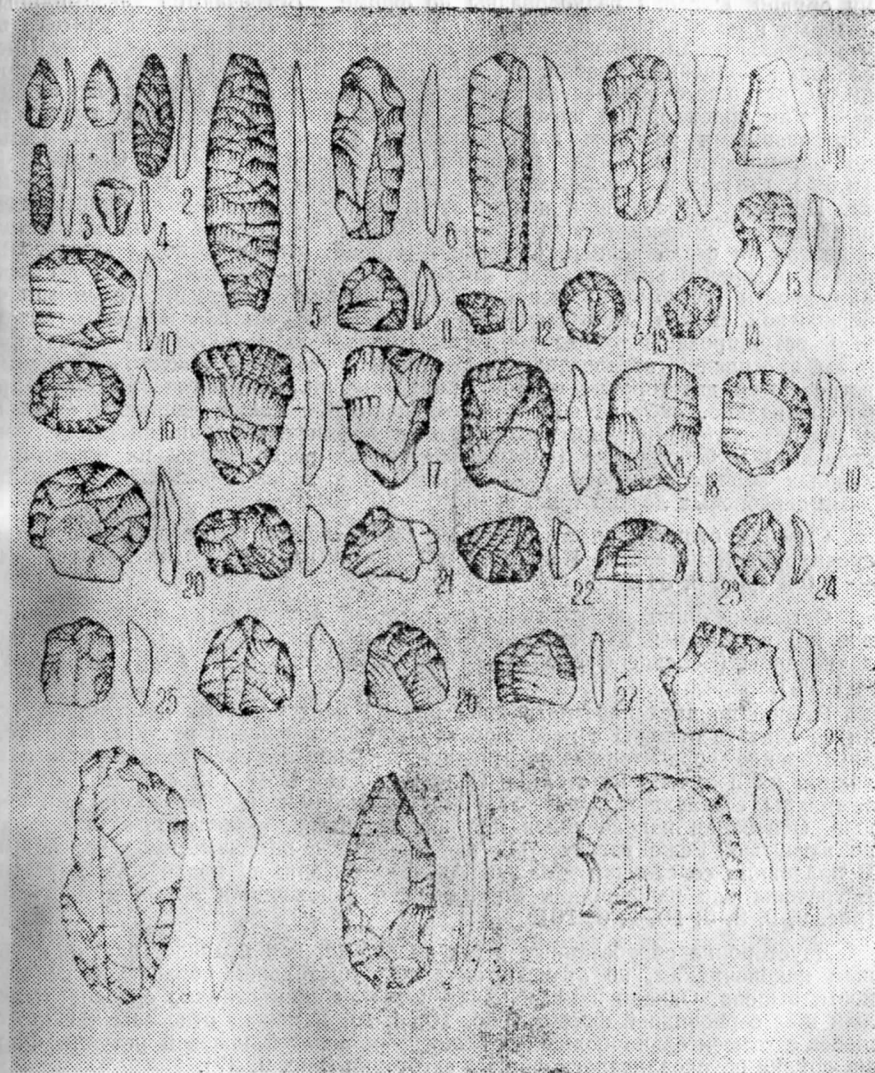

Рис. 9. Кремневые находки. 1—29. 31—Соленое Озеро 1, 30—Евгеньевка 2.

ну орудий. Скребки разнообразны по форме. Встречаются экземпляры, которые имеют признаки двух групп. В связи с этим следует учитывать, что используемая ниже классификация скребков несколько условна. Преобладают концевые скребки. На стоянке Соленое Озеро 1 они составляют 58,7% от общего количества скребков, а в кладе Аксу все скребки концевые. Как правило, они изготавливались из отщепов с естественными или образованными изломом параллельными боковыми сторонами. Вторыми по численности являются сегментовидные скребки (Соленое Озеро 1 — 18,6%). Ретушь в большинстве случаев наносилась только по дуге сегмента. Прямая, стягивающая концы дуги лезвия, естественного происхождения или сформированная изломом. Количество других разновидностей скребков не столь велико. Скребки округлой, овальной, подтреугольной или подтреугольной формы имеют ретушь по всей или почти по всей окружности (периметру) отщепа. Часто встречаются орудия со сплошной обработкой спинки. Секторовидные скребки, так же как и сегментовидные, ретушированы только по дуге. Сходящиеся под углом боковые стороны в основном образованы в результате сечения отщепа. Единично встречаются двусторонне обработанные скребки. Они изготавливались либо специально, либо из обломков наконечников. Также единичны скребки с лезвием углом (ретушь наносилась на боковых, сходящихся под углом, сторонах) и биполярные (скребковые лезвия расположены на противоположных концах отщепов). Довольно много отщепов с небольшими участками скребковых лезвий (рис. 9, 8, 10—25; 10, 3).

Скребла отличаются от скребков лишь своими размерами. Их доля среди орудий невелика. На Соленом Озере 1 их 0,15%, на Евгеньевке 2 — 1,0% (рис. 9, 31).

Остроконечники изготавливались краевой ретушью из крупных отщепов подтреугольной или листовидной формы. (рис. 9, 30). Они также малочисленны (Соленое Озеро 1—0,15%, Евгеньевка 2 — 1,0%, клад Аксу — 1,3%).

Второй по численности группой орудий на терсекских памятниках, если не считать отщепы с небольшими участками краевой ретуши, являются двусторонне обработанные наконечники. Наиболее представительная коллекция их получена на стоянке Соленое Озеро 1 — 132 экз. Целые экземпляры составляют здесь 11,4%. Наконечники, как правило, удлиненные. Основания наконечников прямые, округлые, приостренные или слегка вогнутые. Реже встречаются наконечники с намечающимся черешком. В коллекции со стоянки Малый Аксуат их два, в кладе Аксу — один. Встречены как наконечники стрел, так и наконечники копий и дротиков (рис. 9, 2, 3, 5; 10, 2, 6, 10).

Двусторонне обработанные ножи по форме, как правило, близки крупным наконечникам, но отличаются менее тщательной обработкой поверхности отщепов. Однако в кладе Аксу имеется один отлично сделанный целый нож серповидной формы (рис. 10, 4, 8). К ножам отнесены также отщепы с относительно большими участками пологой краевой ретуши. Форма орудия обуславливалась формой заготовки (рис. 9, 27).

Довольно типичной находкой являются двусторонние оббитые рубящие орудия. Большею частью они также изготовлены из кварцитов и кварцито-песчаников. В плане они преимущественно трапециевидной формы. Иногда встречаются орудия треугольной и прямоугольной формы. В продольном сечении они бывают симметричные и асимметричные.

Небольшая группа орудий представлена плоскими дисками, изготовленными из отщепов двусторонней обработкой. Диаметр 3—4 см, края тонкие и острые. Назначение их неясно.

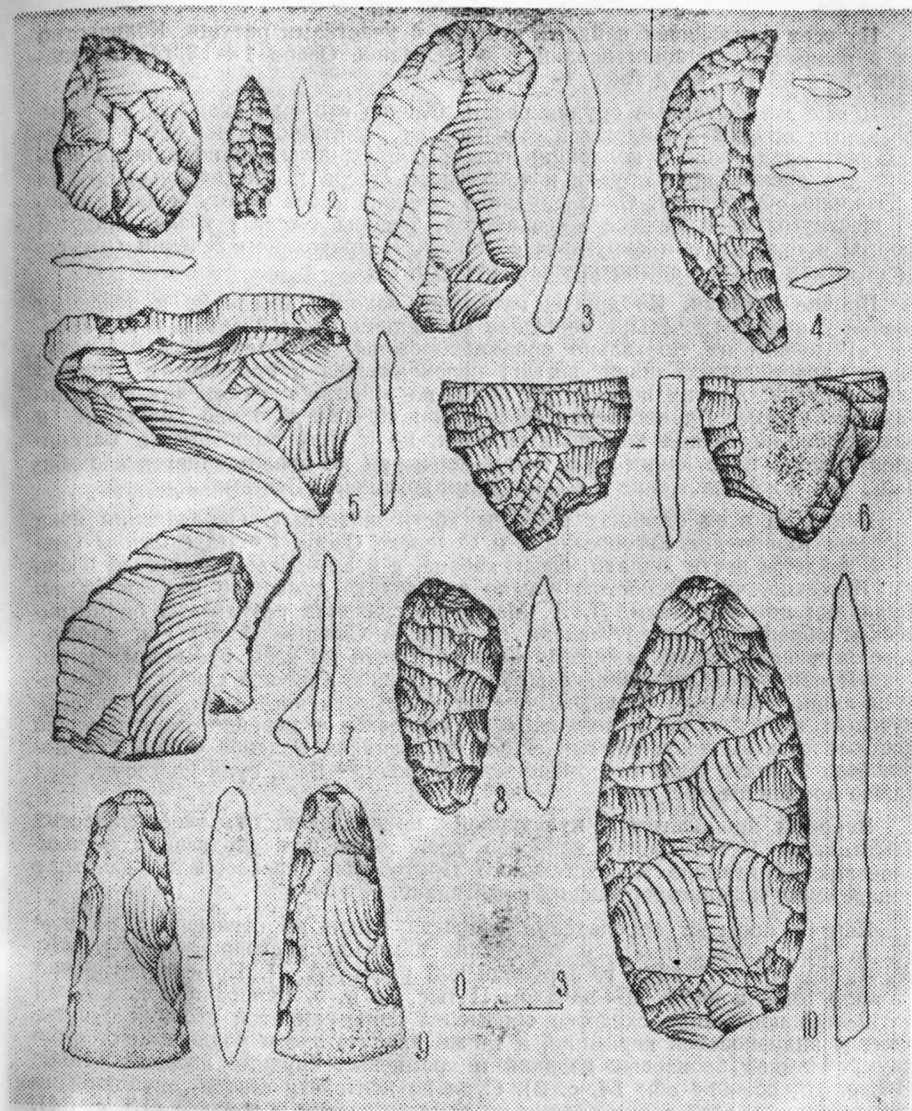

Рис. 10. Кремневые находки. 1, 3—7, 9 — клад Аксу; 2, 8, 10 — Евгеньевка 2.

На всех памятниках найдены отщепы с участками ретуши. Количество их в разных коллекциях неодинаково. (Соленое Озеро 1—13,3%, Евгеньевка 2 — 32,0%, клад Аксу — 52,2%).

Целые шлифованные орудия редки. Однако отщепы, сколотые со шлифованных орудий, найдены почти на всех памятниках. Исключение составляет клад Аксу, в коллекции которого пять целых шлифованных орудий: два дисковидных орудия и три топора (тесла?). Дисковидные орудия тщательно обработаны. Одно орудие в сечении имеет форму неправильно обработанного орудия, другое — овальное. Топоры (тесла?) трапециевидной формы с прямым или округлым обухом. В продольном сечении симметричные или слегка асимметричные (рис. 10, 9).

Прочие находки. Из других категорий находок бесспорно к позднему энеолиту относятся четыре венечные кости лошади, найденные в Ливановке. «Головки» их тщательно орнаментированы. Орнамент (треугольники, ряды параллельных линий, зигзаг) перекликается с орнаментом терсекских сосудов. Других поделок из кости на «чистых» терсекских памятниках не найдено. На поселении Бестамак получена довольно большая и интересная коллекция костяных находок, но в силу смешанности материалов связать их с каким-либо типом керамики не представляется возможным. Такое же положение и с глиняными грузилами Бестамака.

Почти на всех стоянках найдены кости животных. Определения пока сделаны только для Евгеньевки 2 и Соленого Озера 1.* На Соленом Озере 1 найдены кости лошади, быка, кабана, а в Евгеньевке 2 лошади и быка. Известно, что по костям трудно определить домашней или дикой лошади они принадлежали. Л. А. Макарова сравнила результаты биометрической обработки костей лошади со стоянки Соленое Озеро 1 и Атасуского поселения эпохи развитой бронзы. Почти по всем параметрам и индексам они оказались одинаковыми. На стоянке Соленое Озеро 1 отмечается лишь несколько большая, чем на Атасуском поселении, массивность путовых костей. Следовательно, есть серьезное основание полагать, что костные остатки лошадей, найденные на стоянках Соленое Озеро 1 и Евгеньевка 2, происходят от домашних животных.** Бык, судя по всему, был также домашним.

Вопросы хронологии и культурной принадлежности энеолитических памятников. Рассмотрение вопросов хронологии и периодизации энеолитических памятников Казахского Притоболья целесообразно начать с определения позиции терсекских памятников.

Первая попытка определения возраста одной из отнесенных позднее А. А. Формозовым к кругу терсекских памятников стоянок принадлежит А. Я. Брюсову. В 1943 г. в рукописной работе А. Я. Брюсов датировал стоянку Коль кондом III—началом II тыс. до н. э. Основанием для такой датировки послужило сходство орнамента керамики этой стоянки с орнаментом андроновской керамики, а также присутствие в коллекции стоянки двух обломков бронзовых изделий и кремневых орудий поздних типов (13, с. 13, об.—14 об.; 1, с. 3). Судя по контексту статьи, опубликованной в Мехико, этой точки зрения он придерживался и позднее (15, с. 64). Так же датировал терсекские стоянки А. А. Формозов (135, с. 70, 72). Из полученных нами на терсекских памятниках материалов наиболее важное значение для решения этого вопроса имеют две категории находок

* Определение выполнено сотрудником проблемной лаборатории отдела археологии ИИАЭ КазССР Л. А. Макаровой.

** Информация Л. А. Макаровой.

— кремль и керамика. Остановимся вначале на кремневом инвентаре. Еще А. А. Формозовым в Казахском Притоболье было отмечено наличие двух групп памятников, имевших диаметрально противоположный облик кремневой индустрии. В коллекциях памятников первой группы орудия из пластин резко преобладают над орудиями из отщепов. Причем комплекс этих орудий может быть охарактеризован как микролитический, мезолитического облика. Ко второй группе А. А. Формозов отнес памятники терсекского типа, имеющие отщеповый облик индустрии. В то время он считал их одновременными, а различия в кремневой индустрии объяснял в основном хозяйственным и, в какой-то мере, культурным своеобразием каждой группы памятников (135). Идея о том, что памятники с пластинчатым и отщеповым обликом индустрии могут сосуществовать на одной или соседних территориях, некоторыми исследователями поддерживается и в настоящее время (40; 59, с. 7, 9, 11, 12). Если это так, то привлечение кремневого инвентаря для решения вопросов хронологии и периодизации бессмысленно. Однако накопленные к настоящему времени факты, по нашему мнению, противоречат выводу о синхронности памятников с пластинчатыми и отщеповыми комплексами орудий.

Основной причиной существования памятников с различным обликом кремневой индустрии А. А. Формозов считал обитание оставших их групп населения в различной ландшафтной обстановке. Действительно, известные ему памятники второй группы стоянки Терсек-Карагай и Коль располагались в лесу, а памятники первой группы — в степи. Обитатели леса, по его мнению, охотились на крупного зверя, что обусловило сравнительно крупные размеры орудий и такие их формы как двусторонне обработанные наконечники стрел и копий. Обитатели степей занимались в основном рыболовством и охотой на водоплавающую птицу. Он считал, что для такого хозяйства наиболее подходят маленькие орудия, которые удобнее всего делать из пластины (135, с. 74; 137, с. 11; 140, с. 52). Реконструкция облика хозяйства, предложенная А. А. Формозовым, в какой-то мере может быть и верна, но не может служить доказательством одновременного существования памятников первой и второй групп. В настоящее время памятники обеих групп обнаружены как в лесу, так и в степи, иногда в непосредственной близости друг от друга. Таковы, например, стоянки Соленое Озеро 1 и 2, расположенные в Наурзумском бору на противоположных берегах одной и той же высохшей протоки.

Памятники терсекского типа найдены в настоящее время на значительно более южных территориях, чем все известные А. А. Формозову в то время стоянки, то есть они расположены значительно южнее реконструируемой им границы леса и степи. К таким памятникам относятся Ливановка, а также южнотургайские стоянки Каинды 1—4 и Кожай 1 (75, с. 521; 80).

В Кокчетавской области на реке Иман-Бурлук (один из правых притоков Ишима) Л. А. Чалой была обследована стоянка Иман-Бурлук, где обнаружено два культурных слоя. Нижний слой (Стоянка Иман-Бурлук 1) дал нуклеусы и значительное число пластин и орудий из пластины (151, с. 188—191). Верхний слой (стоянка Иман-Бурлук 2 по Л. А. Чалой) дал очень мало пластин, но зато много орудий из отщепов: скребки, ножи, двусторонне обработанные наконечники и т. д. В этом слое орудия из пластин составляют лишь 7,3% всех орудий (151, с. 191—197). Верхний слой стоянки Иман-Бурлук по комплексу находок, включая и керамику, близок терсекским стоянкам.

Аналогичные наблюдения сделаны Г. Н. Матюшиным на Южном Урале. На ряде многослойных памятников ему удалось проследить увеличение удельного веса орудий из отщепов от нижних к верхним слоям (85,

с. 152, 153; 86, с. 117—119; 89, с. 143; 90, с. 55; 91, с. 118; 94, с. 187; 95, с. 163, 164; 97, с. 41—53).

К выводу о том, что комплексы с отщеповым обликом индустрии представляют собой завершающий, финальный этап развития кремневой индустрии, пришли и северо-казахстанские исследователи (48; 49, с. 111—112; 52, с. 435—436).

Таким образом, фактический материал с территорий, непосредственно прилегающих к Казахстанскому Притоболью с запада и востока, однозначно свидетельствует о том, что памятники с отщеповой индустрией являются более поздними по отношению к памятникам с пластинчатой индустрией.

К сожалению, на территориях, прилегающих с севера и юга, нет таких четких свидетельств. В южной части Тургайского прогиба есть «чистые» памятники с отщеповым набором орудий. Прежде всего это уже упомянутые стоянки Кайнды 1—4 и Кожай 1. Можно вспомнить и об орских стоянках, которые А. А. Формозов считал очень близкими северо-тургайским стоянкам Терсек-Карагай и Коль (138, с. 116—117). Здесь есть и стоянки с пластинчатым обликом индустрии.* Однако стратифицированные памятники до сих пор не исследовались.

Еще дальше на юг, в Приаралье, Среднеазиатском междуречье и в Прикаспии известно огромное число стоянок с пластинчатым обликом индустрии и совершенно не известны аналогичные по облику индустрии терсекским (26, с. 75—85; 27, с. 63—81; 28, с. 91—102; 29; 30, с. 85—95; 31; 37, с. 64—117; 42; 64, с. 17—62, 80—141; 72, с. 271—278; 83, с. 104—125; 98, с. 112—116; 99, с. 11—13; 100, с. 13—15; 104, с. 36—38; 106; 108; 112, с. 54—60; 130, с. 49—58; 136, с. 141—147; 140, с. 47—58). Правда, коллекции, полученные с Больших Балхан, характеризуются преобладанием орудий из отщепов, но там отсутствуют выдержанные формы двусторонне обработанных наконечников. Ближайшие аналогии эти коллекции находят в VII—VIII слоях пещеры Джебел, то есть они датируются заведомо более ранним временем, чем терсекские стоянки (65, с. 92—96).

Вместе с тем, хотя на этих территориях и нет «чистых» памятников с индустрией, аналогичной индустрии терсекских памятников, здесь есть факты, свидетельствующие о том, что эволюция кремневой индустрии от неолита к бронзе шла тем же путем, что в Северном Казахстане и Южном Урале. Так в верхних слоях Джебела двусторонне обработанных наконечников значительно больше, чем в нижних (37, с. 122, рис. 55; 108, с. 194).

Стоянки камышлинского типа более поздние, чем кельтеминарские, характеризуются отсутствием микролитовидных элементов, большим, чем в кельтеминарских памятниках, числом двусторонне обработанных наконечников (106, с. 87; 130, с. 19—21). Г. Ф. Коробкова, давая характеристику третьего периода существования кельтеминарской культуры, отмечает в качестве характерных, определяющих черт индустрии значительное уменьшение «доли микропластин», «превалирование скребков на отщепах», «преобладание двусторонне обработанных наконечников», «появление

* К сожалению, в связи с тем, что Л. А. Чалая дала суммарное описание коллекций примерно двух десятков стоянок реки Кара-Тургай, создать четкое представление об облике индустрии каждой из них невозможно (148, с. 193—195; 149, с. 80—83; 150, с. 11—13).

ние крупных ножей на массивных отщепах или пластинах». Она также отмечает, что в «технике обработки камня наблюдается резкое отступление от микролитовидности в сторону укрупнения заготовок» (64, с. 127).

При всей спорности датировки древностей заманбабинского типа все исследователи единодушны в том, что они существовали позднее кельтеминарских (42, с. 166; 74, с. 33; 116, с. 28). Между тем, для заманбабинских памятников весьма характерны двусторонне обработанные наконечники. В могильнике Заман-Баба на несколько десятков двусторонне обработанных наконечников приходится всего четыре пластины, причем все они получены при вскрытии нарушенных погребений (42, с. 121—126). На поселениях пластин найдено как будто больше, но и здесь двусторонне обработанные орудия составляют примерно половину всех орудий (42, с. 139—140, 150—151).

Для наиболее поздних памятников каменного века Северо-Восточного Приаралья также характерна большая доля двусторонне обработанных орудий, прежде всего наконечников, и вообще большее, чем в более ранних памятниках, число орудий из отщепов (29, с. 88—91; 30, с. 76—81).

Следовательно, в Восточном Прикаспии, Среднеазиатском междуречье и в Приаралье на протяжении неолита и энеолита отмечается тенденция перехода от пластинчатой индустрии с наконечниками из пластин к отщеповой индустрии с большим удельным весом двусторонне обработанных орудий, прежде всего наконечников. Думается, что со временем и здесь будут открыты стоянки с четко выраженными комплексами орудий, которые в общих чертах будут аналогичны комплексам орудий «чистых» терсекских памятников.

В Нижнем Притоболье и на Среднем Урале для мезолита и раннего неолита отмечается «господство пластинчатой техники с преобладанием микроформ», в развитом неолите сохраняется пластинчатый облик кремневой индустрии при отсутствии микроформ, в позднем неолите орудия делаются в основном из отщепов, отмечается значительный удельный вес двусторонне обработанных орудий (7, 121). По нашим подсчетам, сделанным по монографии В. Ф. Старкова, на мезолитических стоянках Исток II и Сухрино I орудия из пластин составляют 80—90% всех орудий (121, с. 24—28, 30—31). На Юрьинской стоянке (развитый неолит по В. Ф. Старкову) орудия из пластин составляют около 22% от всех орудий (121, с. 64). В позднем неолите примерно такое же соотношение орудий из пластин и отщепов (121, с. 133).

Таким образом, и здесь мы видим, что на протяжении мезолита—позднего неолита происходит смена пластинчатой индустрии на отщеповую. Однако далее, в эпоху энеолита, по мнению некоторых исследователей, вновь начинают преобладать орудия из пластин. Так на относимой В. Ф. Старковым к энеолиту стоянке Шапкуль 1 орудия из пластин составляют половину всех орудий (121, с. 162). В. Т. Ковалева также считает, что для всех выделенных ею энеолитических культур характерен пластинчатый облик кремневой индустрии (59, с. 7, 9, 11—12). Реконструируется несколько парадоксальная ситуация, когда с освоением металла население возвращается к архаичным приемам раскалывания кремня и изготовления орудий. Причина этого парадокса, на наш взгляд, кроется, с одной стороны, в том, что характеристика большинства энеолитических культур дана по материалам памятников, давших сложные, смешанные коллекции, а с другой — в сильном омоложении возраста этих культур.

Так, датировка шапкульской культуры В. Ф. Старковым в основном базируется на некотором сходстве орнамента шапкульской и липчинской

керамики (119, с. 47—48). Кремневые находки не принимались во внимание. Между тем, на эпонимном памятнике стоянке Шапкуль 1 орудия из пластин составляют примерно половину всех орудий. Здесь найден наконечник стрелы кельтеминарского типа и нет двусторонне обработанных наконечников, найдены резчики и пластина с притупленной спинкой (121, с. 162). Высказывавшееся в печати предположение о том, что пластинчатый облик индустрии стоянки Шапкуль 1 и других энеолитических притобольских памятников объясняется влиянием южноуральского энеолитического населения, вряд ли правомерно (121, с. 168). На известных суртандинских памятниках Южного Урала преобладают орудия из отщепов (90, с. 55; 91, с. 118).

По нашему мнению, шапкульские древности должны датироваться значительно более ранним временем. По типам кремневых орудий и по общему облику кремневой индустрии памятники типа Шапкуль 1 хорошо сопоставляются с кельтеминарскими стоянками Хорезма и отнюдь не с самыми поздними. Отсутствие в шапкульских стоянках двусторонне обработанных наконечников позволяет сопоставлять их с памятниками типа стоянки Джанбас 4 (нижний слой) (29, с. 42—45, 168; 119). Можно отметить также, что на поселении ЮАО-VIII вместе с энеолитической керамикой получен комплекс кремневых орудий пластинчатой индустрии (орудия из пластин составляют примерно 60% всех орудий), в том числе и большая серия наконечников кельтеминарского типа (58, с. 94—97). Часть сосудов этого поселения по форме хорошо сопоставляется с сосудами Джанбас 4 (29, с. 38, рис. 7, 1—9; 58, с. 98, рис. 5, 4, 7). Таким образом, есть достаточно веские основания учитывать возможность датировки шапкульских памятников временем существования стоянки Джанбас 4. Поскольку в Нижнем Притоболье отмечено залегание боборыкинских жилищ под слоем с шапкульской керамикой, то памятники боборыкинской культуры должны быть отнесены к еще более раннему времени (17, с. 212).

При этом варианте датировки шапкульских и боборыкинских древностей они оказываются более древними, чем памятники, относимые в настоящее время к развитому и позднему неолиту. Парадоксальная ситуация в развитии кремневой индустрии в этом случае устраняется. Более поздние памятники с отщеповым обликом кремневой индустрии приходят на смену более ранним с пластинчатым обликом индустрии.

Это явление характерно и для более удаленных территорий. В Предуралье кремневая индустрия развивается от ранних пластинчатых комплексов типа Нижнеадишевской стоянки к более поздним, вплоть до гаринских поселений, с отщеповым комплексом орудий (5, с. 7—32; 6; 7, с. 166—167). В Среднем Поволжье наиболее поздними памятниками, в коллекциях которых широко представлены кремневые орудия, являются водосовские. Для них характерен отщеповой облик кремневой индустрии и двусторонне обработанные орудия (45, с. 52; 107, с. 21—23; 142, с. 64—72; 143, с. 111—113). Так на Руткинском поселении орудия из пластин составляют примерно 6% всех орудий (3, с. 74—75). Попытка Р. С. Габяшева датировать II Татарско-Азбейское поселение с наконечной керамикой и ярко выраженным пластинчатым обликом кремневой индустрии первой половины II тыс. до н. э. представляется неоправданной (40, с. 67). Старая его точка зрения на датировку этого круга памятников, заключающаяся в синхронизации их с памятниками второго и третьего этапов днепро-донецкой культуры, более предпочтительна (39, с. 46).

Дальше на западе, в Волго-Окском междуречье, которое в настоящее время является одним из наиболее изученных регионов нашей страны,

мы наблюдаем аналогичную, но более четкую картину. Здесь верхневолжская культура сменяется культурой ямочно-гребенчатой керамики. По крайней мере, уже на втором этапе развития последней кремневая индустрия приобретает ярко выраженный отщеповой характер, который сохраняется и на волосовских памятниках (68, с. 273; 69, с. 42—67; 70, с. 62—67; 71 с. 8—9; 110, с. 79—96; 111, с. 146—151; 113, с. 35—78; 114, с. 152—158; 131, с. 91—107; 146, с. 97—153; 147, с. 138—145).

Большая часть степей Восточной Европы в интересующем нас плане, к сожалению, изучена значительно хуже, чем Волго-Окское междуречье. Наиболее четкие данные получены в Поднепровье. Здесь неолитические памятники с пластинчатыми, часто микролитическими, комплексами орудий сменяются энеолитическими с комплексом орудий из отщепов, крупных пластин и двусторонне обработанных орудий.

Последние сменяются ямными памятниками, которые, судя по Михайловскому поселению, имеют отщеповой облик индустрии с большим числом двусторонне обработанных орудий (44; 124; 125; 129, с. 80—87).

В степной части Подонья и Поволжья «чистые» поселенческие комплексы, синхронные ямной части материалов Михайловского поселения, нам неизвестны. Однако имеются некоторые основания считать, что эволюция кремневой индустрии в этих районах шла в том же направлении, что и в Поднепровье. А. Т. Синюк в поздних слоях стоянки Университетская 3 по сравнению с более ранними отмечает значительное уменьшение удельного веса орудий из пластин (117, с. 12—13; 118, с. 41). В лесостепном Поволжье ямная культура представлена почти исключительно погребениями. «Чистые» поселенческие комплексы еще не найдены. Однако материалы известных стоянок и могильников позволяют думать, что кремневые комплексы собственно ямных поселений мало чем будут отличаться от комплекса Михайловского поселения. Здесь также можно отметить смену микролитической пластинчатой индустрии эпохи неолита энеолитической индустрией крупных пластин (1; 18, с. 66—76; 19, с. 3—20; 21, с. 161—162; 23; 38; 99). Не представлено в чистом виде лишь последнее звено — отщеповая индустрия.

К сожалению, современное состояние изученности восточной части Западной Сибири таково, что делать какие-либо выводы о характере эволюции кремневой индустрии в неолите-энеолите невозможно. Южнее, в казахстанских степях, положение еще хуже. Между Усть-Нарымом и ишимскими памятниками на пространствах протяженностью почти тысячу километров известны лишь отдельные пункты.

Все изложенное выше, по нашему мнению, позволяет говорить о том, что отщеповые комплексы, подобные терсекскому, являются более поздними чем пластинчатые и в общем завершают развитие кремневой индустрии. Таким образом уже характер кремневой индустрии дает некоторые основания для определения времени бытования терсекских памятников. Наиболее ранние отщеповые комплексы Нижнего Притоболья как будто связаны с волнисто-гребенчатой керамикой развитого неолита (121, с. 64—72, 77—79). В. Ф. Старков датирует этот этап второй половиной IV тыс. до н. э., а В. Т. Ковалева — серединой IV тыс. до н. э. Такая датировка в значительной мере базируется на двух радиоуглеродных датах 4800 ± 200 г. от н. д. и 5590 ± 125 от н. д. Первая дата дает возраст плавника над стоянкой Стрелка, а вторая — возраст одного из жилищ на северном берегу Андреевского озера, которое В. Т. Ковалева связывает с развитым неолитом (59, с. 15; 120, с. 90—93). О. Н. Бадер также пришел к выводу, что наиболее ранние памятники с отщеповой индустрией в Прикамье должны датироваться примерно серединой IV тыс.

до н. э. При этом он исходил из зауральских аналогов и даты стоянки Стрелка (8, с. 72—74). В Волго-Окском междуречье появление комплексов с отщеповой индустрией фиксируется примерно в то же время (70, с. 57—62; 145, с. 7—14). Большая серия радиокарбонных дат, полученных для ямных памятников Украины, в сочетании с другими данными позволяют достаточно уверенно датировать ямную часть Михайловского поселения периодом от начала III тыс. до н. э. до начала II тыс. до н. э. (XXVII—XIX вв. до н. э.) (126, с. 5—19; 128, с. 82). Примерно так же датировал синхронные Михайловские ямные памятники Волжско-Уральского междуречья Н. Я. Мерперт (102, с. 78—83).

Нижняя граница существования памятников с отщеповыми комплексами фиксируется таким образом примерно на уровне второй половины IV тыс. до н. э. Что касается верхней границы, то она определяется временем распространения памятников эпохи бронзы, начала которой в степной и соприкасающейся с ней части лесной зоны традиционно относят к началу—первой половине II тыс. до н. э.

Этот хронологический диапазон существования памятников терсекского типа установлен на самых общих признаках. Можно попытаться сузить его за счет введения признаков, характеризующих типы орудий и керамику.

Наиболее близкие аналогии керамика наших стоянок находит в керамике суртандинских памятников и стоянки Иман-Бурлук. Сходство отмечается в форме сосудов, технике нанесения орнамента в узорах. Можно отметить дополнительно такие аналогии в кремневом инвентаре как наличие резко удлинённых наконечников стрел с прямыми или слегка вогнутым основанием, двусторонне обработанных ножей, в том числе и изогнутых, большого числа скребков из отщепов и режущих орудий (ножей), представляющих собой отщепы со значительными участками пологой ретуши.

В свое время суртандинские памятники были отнесены Г. Н. Матюшиным к концу III—началу II тыс. до н. э. Основанием для такой датировки послужило, с одной стороны, наличие керамики суртандинского типа (О. Н. Бадер называет ее зауральской, а М. Ф. Косарев — аятской) в некоторых гаринских комплексах (6, с. 40, рис. 15, с. 60, рис. 30; 67, с. 32; 90, с. 61—63). В то время О. Н. Бадер датировал гаринский этап от начала II тыс. до н. э. до XIV в. до н. э. (6, с. 185). С другой стороны, Г. Н. Матюшин, отмечая, что суртандинская керамика наряду с чертами сходства с керамикой эпохи бронзы имеет и существенные различия, указывал на вероятность существования какого-то круга памятников, хронологически расположенных между суртандинскими памятниками и памятниками развитой бронзы. Это заставило его датировать памятники суртандинской культуры рубежом III—II тыс. до н. э. (90, с. 58). В последнее время Г. Н. Матюшин эту дату считает лишь верхней границей бытования суртандинских памятников, а нижнюю склонен удревить до V тыс. до н. э. (97, с. 273, 274). Нам представляется, что для такого удревления материалов пока недостаточно, а вот его мысль о синхронизации гаринских и суртандинских древностей следует признать плодотворной. Близость их проявляется не только в сходстве орнаментации некоторых сосудов. Для них характерен один и тот же тип индустрии. Набор орудий практически одинаков. Именно на гаринском этапе наибольшее распространение получают вытянутые наконечники с усеченным основанием, столь характерные как для суртандинских, так и для терсекских памятников (6, с. 183). Обычны для гаринских памятников двусторонне обработанные ножи и ножи из отщепов, изготовленные краевой ретушью. Встречены и изогнутые «саблевидные» ножи (6, с. 43, рис. 18).

В последнее время накопились данные, позволившие некоторым исследователям поставить вопрос о необходимости передатировки гаринских памятников. Так, О. Н. Бадер и А. А. Выборнов на материалах Саузовской II стоянки датировали левшинскую керамику IV тыс. до н. э. (9, с. 129). Поскольку нижняя граница бытования гаринских памятников всегда определялась концом времени существования левшинских, то гаринские древности также должны быть удревлены примерно до начала III тыс. до н. э. Такая датировка гаринских памятников подтверждается волосоской линией сопоставлений. В. П. Третьяковым при обосновании тезиса о единой волососко-турбинской общности убедительно была доказана близость волососких и турбинских древностей как в керамике, так и в кремневом инвентаре (132, с. 22, 24). Эта близость заставляет предполагать относительно одновременность появления ранних волососких и гаринских памятников. Ранние волосоские памятники по стратиграфическим, палинологическим наблюдениям и радиокарбонным датам в настоящее время датируются серединой III тыс. до н. э., а протолоصوصо еще более ранним временем (70, с. 62—62). И. Б. Васильев, опираясь на свои материалы, считает возможным датировать «наиболее ранние волосоские материалы» первой половиной III тыс. до н. э. (20, с. 173—176; 22, с. 45—46). Его информация ценна тем, что в данном случае отмечается совпадение дат, установленных по разным источникам. Эта дата как начальная может быть принята для суртандинских и терсекских памятников.

Терсекская керамика по форме сосудов и некоторым элементам орнамента (вытянутые треугольники) находит определенные аналогии в керамике второго (по Н. Я. Мерперту) этапа ямной культуры Волжско-Уральского региона (102, с. 13). Предложенная им датировка этого этапа (середина III тыс. до н. э.) в принципе не противоречит сказанному выше.

В Нижнем Притоболье керамика терсекских памятников по орнаменту пожалуй наиболее близка аятской (10, с. 195, рис. 5; 67, с. 27—30). Определенное сходство отмечается и с орнаментом липчинской керамики (10, с. 194, рис. 4; 66, с. 176—178, рис. 2; 67, с. 37—42). Аятская керамика, судя по стратиграфии Горбуновского торфяника, может быть датирована не позже II тыс. до н. э. (67, с. 32; 122, с. 172—173).

Следовательно, проведенные сопоставления более или менее однозначно указывают на отрезок времени от начала второй трети III тыс. до н. э. до начала II тыс. до н. э. как на наиболее вероятное время существования терсекских памятников.

Что касается материалов, отнесенных нами к раннему энеолиту, то уже пластинчатый характер кремневой индустрии свидетельствует о том, что они являются более ранними чем терсекские. Большая часть керамики раннего энеолита, как отмечалось выше, находит соответствие в керамике боборыкинской культуры. Можно отметить также близость формы сосудов сырдарьинской стоянки Космола 5 (37, с. 92, рис. 38, 8, 13, 30—35; 60, рис. 26—36; 61, с. 95, рис. 3; 74, табл. XVII; 115, с. 19, рис. 1, с. 27, рис. 7). Стоянку Космола 5 А. В. Виноградов склонен относить к началу джанбасского этапа неолита Среднеазиатского междуречья, то есть ориентировочно ко второй половине V тыс. до н. э. (37, с. 93, 94, 132—133). Боборыкинская керамика, судя по стратиграфическим наблюдениям, залегает ниже шапкульской (17, с. 12). Памятники шапкульской культуры по общему облику кремневой индустрии, наличию кельтеминарских наконечников стрел и форме некоторых сосудов хорошо сопоставляются с материалами таких памятников Средней Азии как Джанбас 4 и Кават 7 (29, с. 42—45; 58, с. 97—98; 60, рис. 56; 67, рис. 60, 1). Исходя из общей концепции А. В. Виноградова, время существования этих

стоянок может быть определено IV—началом III тыс. до н. э. (37, с. 132—133). Боборыкинские материалы, таким образом, в целом древнее шапкульских, а также древнее стоянок Джанбас 4 и Кават 7. Такая относительная позиция их совпадает с предполагаемой А. В. Виноградовым позицией стоянки Космола 5 (37, с. 94). Исходя из этих наблюдений, ранний энеолит Казахского Притоболья следует датировать первой половиной IV тысячелетия до н. э. Интересно, что при такой датировке боборыкинские и наши раннеэнеолитические материалы попадают примерно в один хронологический диапазон с памятниками марнупольской общины, в которой так же как и в боборыкинской культуре широкое распространение получают плоскодонные сосуды (21, с. 150—166; 22, с. 7). Энеолитический характер наших материалов предполагается по аналогии с боборыкинской культурой и одновременными ей культурами марнупольской общины.

Таким образом, раннеэнеолитические материалы Казахского Притоболья датируются скорее всего первой половиной IV тыс. до н. э., а позднеэнеолитические (терсекские) примерно от начала второй трети III тыс. до н. э. до конца III—начала II тыс. до н. э.

Отрезок времени от середины IV тыс. до н. э. до начала второй трети III тыс. до н. э. на рассматриваемой территории практически не изучен. Возможно к этому времени относится часть материалов стоянки Светлый Джаркуль. Это единственный памятник, на котором были найдены наконечники кельтеминарского типа (рис. 4, 16). Если учесть, что они совершенно не характерны для мезолитических, маханджарских и терсекских памятников Притоболья, а также для памятников кошкиско-боборыкинского круга, т. е. не могут быть увязаны и с нашими раннеэнеолитическими материалами, то возможность бытования их в указанном отрезке времени становится достаточно вероятной. В лесном Зауралье такие наконечники бытуют в это же время (памятники типа Шапкуль 1). В керамической коллекции Светлого Джаркуля кельтеминарским наконечникам возможно соответствуют мелкие фрагменты, украшенные треугольниками, выполненными зубчатым штампом.

На Амангельдинской стоянке часть материалов также возможно отложилась в это время. Прежде всего это фрагменты сосудов близкой к цилиндрической форме и один чашевидный сосуд, поддающийся реконструкции. Украшены они по преимуществу зубчатым штампом. С этой керамикой связаны остатки двухкамерного жилища подпрямоугольной формы длиной 6 м, шириной 4—5 м. Камеры образованы за счет разной глубины котлована. Северная половина его углублена до 0,95 м, а южная до 0,6 м. Переход между камерами ступенчатый. Можно уверенно говорить, что на поселении Амангельды, так же как и на Светлом Джаркуле, описанным находкам соответствует пластинчатая индустрия, хотя в силу смешанного характера коллекций детального описания орудийного набора мы дать не можем.

Интересные сосуды, явно выбивающиеся из всех известных материалов не только Казахского Притоболья, но и в целом азиатской части СССР получены на Бестамаке. Это остродонные, хорошо профилированные с высокими шейками сосуды, вся внешняя поверхность которых покрыта орнаментом, выполненным зубчатым штампом (рис. 4, 20). Наиболее близкие формы мы находим на памятниках среднеэнеолитической культуры, которая датируется от середины IV тыс. до н. э. до середины III тыс. до н. э. (125, с. 86—88; 127, с. 48).

Как видим, имеющиеся в нашем распоряжении материалы настолько малочисленны и разнородны, что дать по ним характеристику периоду, который можно было бы назвать средним энеолитом, невозможно.

О культурной принадлежности материалов, отнесенных нами к ранним этапам энеолита, говорить пока преждевременно. Необходимо подождать выявления новых, более полноценных памятников. В отношении терсекских материалов позднего энеолита рассмотрение этого вопроса представляется достаточно правомерным.

Вопрос о культурной принадлежности памятников терсекекого типа всегда был достаточно сложным. Можно вспомнить известную полемику А. А. Формозова и К. В. Сальникова по поводу культурной атрибуции стоянки Кысы-Куль и кустанайских памятников. Сущность их разногласий заключается в том, что А. А. Формозов видел за сходством их материалов культурную близость, а К. В. Сальников стадиальную (115, с. 29, 30; 135, с. 73; 138, с. 117).

В свете современных знаний представляется, что по сути оба исследователя правы. Стоянки терсекекого типа, как было показано выше, видимо синхронны южноуральским памятникам типа Кысыкульской стоянки. Вместе с тем, характер сходства орнамента таков, что не оставляет сомнений в их культурной близости. Однако возникает вопрос о какого ранга культурной близости должна идти речь. Представляют ли они одну культуру, или же, хотя и близкие, но самостоятельные культуры одной культурной общины.

Более вероятным является, на наш взгляд, второе предположение. Южноуральскую и терсекскую керамику объединяет четко выраженный геометризм в орнаментации, в том числе и вертикальное членение орнаментальных зон (вертикальные лесенки, одиночные зигзаги, сильно вытянутые треугольники). Такая керамика встречается не только на Южном Урале и в Тургайском прогибе. На севере это керамика аятского типа (10, с. 190—200). В Приишимье это стоянки Иман-Бурдук 2 и Ботай (52, с. 435—436; 151, с. 199). Стоянка Кожай 1 находится на границе Восточно-Тургайского плато и Казахского мелкосопочника. Это позволяет поставить вопрос о перенесении рассматриваемых проблем и на Центральный Казахстан. Таким образом, памятники, близкие по материалам, в особенности по орнаментации керамики, терсекские, занимают огромную территорию. Она протянулась на тысячу километров с запада на восток и с юга на север. При этом тенденция такова, что следует ожидать открытия новых памятников этого типа, прежде всего в степях Казахстана. Не исключено, что в будущем в азиатских степях мы будем иметь дело с культурно-исторической общностью, равной по масштабам ямной. Н. Я. Мерперт для ямного круга памятников отмечал, что «сами размеры территории исключают возможность сколько-нибудь полного культурного единства» (102, с. 125). Это положение безусловно справедливо и для рассматриваемого круга памятников, поэтому уже в настоящее время видимо правильное говорить не о культуре, а о культурной общности.

От южноуральских стоянок, выделенных Г. Н. Матюшиным в суртандинскую культуру, терсекские памятники отличаются рядом признаков. Суртандинское и терсекское население эксплуатировали различные источники сырья для изготовления орудий. На терсекских памятниках абсолютно преобладают кварциты и кварцито-песчаники, преимущественно серых разновидностей. В суртандинских широко использовался черный кремль и яшмы (97, с. 24, 25, 45, 71, 75, 83, 84, 88). Довольно существенно отличаются терсекские и суртандинские памятники по удельному весу орудий из пластин. Если на терсекских стоянках орудия из пластин составляют от 0,9 до 3% суммы орудий из отщепов и пластин, то на «чистом», по словам Г. Н. Матюшина, суртандинском памятнике стоянке Суртанды 8 их примерно 25% (97, с. 23). В терсекской керамике тальк в качестве примеси к тесту применялся значительно реже, чем в суртан-

динской. Терсекские сосуды в массе своей как будто имеют несколько более вытянутые пропорции (97, с. 21, 78, 99, 116, 139).

Уже эти отличия свидетельствуют об определенной обособленности суртандинских и терсекских памятников. Вероятно в будущем с накоплением материалов выявятся и другие локальные признаки. Эти различия, по нашему мнению, не позволяют объединять суртандинскую и терсекскую группы памятников в одну культуру, а тем более распространять на позднеэнеолитические памятники Казахстанского Притоболья термин суртандинская культура. Это привело бы к тому, что вместе с ним на терсекские древности распространились бы и определенные представления о материальной культуре, связанные с этим термином, между тем, как было показано выше, различия в материальной культуре памятников Казахстанского Притоболья и суртандинских достаточно существенны. В связи с этим, по крайней мере в настоящее время, лучше говорить о суртандинской (кысыкульской) и терсекской культурах одной общности. За памятниками Казахстанского Притоболья, по нашему мнению, следует сохранить название, введенное в литературу А. А. Формозовым. Помимо всего прочего за ним и приоритет во времени.

Заклучение

Подведем итоги нашим наблюдениям. Мезолитические обитатели стоянок Евгеньевка 1 и Дузбай 6 жили скорее всего в конце мезолита. Оба памятника представляют собой места кратковременных стоянок небольших групп людей. В пользу этого говорят небольшие размеры их и слабая насыщенность культурного слоя находками. Можно предположить, что в жизни мезолитического населения Казахстанского Притоболья подвижные элементы быта и хозяйства играли существенную роль. Вероятно они были тесно связаны с охотой, как одним из основных видов хозяйственной деятельности людей. Строго говоря, наши материалы не дают прямой информации о типе хозяйства мезолитических обитателей Казахстанского Притоболья, однако по таким признакам как топография, набор орудий, общий облик индустрии стоянки Евгеньевка 1 и Дузбай 6 хорошо вписываются в широкий круг мезолитических памятников, оставленных древними охотниками. Климатическая ситуация этого времени была благоприятна для развития охоты. Значительно более теплый и влажный, чем в настоящее время, климат второй половины бореального периода несомненно самым благоприятным образом сказывался на развитии растительности Казахстанского Притоболья. Степные пространства, покрытые богатой травянистой растительностью, островные и тугайные леса привлекали разнообразных представителей фауны. Биологическая продуктивность многочисленных озер и рек также была значительно больше, а в связи с этим и численность обитавшей на них водоплавающей дичи существенно выше (12, с. 91—94). Все это вместе взятое делает до некоторой степени правдоподобным наше предположение об охотничьем облике хозяйства мезолитических обитателей Казахстанского Притоболья. Во всяком случае, любая другая точка зрения, по современному состоянию фактов, будет выглядеть менее убедительно.

Ввиду отсутствия информации о палеолите и малочисленности мезолитических стоянок истоки мезолита Казахстанского Притоболья не могут быть выяснены. Памятники типа Евгеньевской первой стоянки, с ее асимметричными трапециями и микролитической индустрией, вероятно одного происхождения с памятниками янгельской культуры, которая, по мнению Г. Н. Матюшина, сформировалась в результате продвижения в Южное Зауралье прикаспийского населения (93, с. 294; 96, с. 41). К этому склоняется и А. А. Формозов (141, с. 127). Вместе с тем, имеющиеся факты можно интерпретировать и несколько по-иному. Среди относимых Г. Н.

Матюшиным к янгельской культуре памятников наиболее ранним является стоянка Шикаевка. Судя по сопровождавшей каменный инвентарь фауне, Шикаевка не моложе, а может быть даже древнее, наиболее ранних слоев с асимметричными трапециями прикаспийских памятников. (32, с. 289; 93, с. 161, 177, 184; 109, с. 75—85). Отсюда следует, что археологических оснований предполагать продвижение групп людей на рубеже плейстоцена и голоцена пока, строго говоря, нет. На обеих территориях появление асимметричных трапеций фиксируется в археологическом масштабе времени одновременно (32, с. 289; 93, с. 161, 177, 184). Предполагаемые Г. Н. Матюшиным на основе реконструкции климатической ситуации Прикаспия причины, вызвавшие продвижение отдельных групп прикаспийского населения на Южный Урал, равно как и само продвижение, возможно и являются фактом в истории населения этих территорий, но тогда они должны были иметь место в более раннее, чем отмеченное появлением асимметричных трапеций время. Для эпохи мезолита можно лишь говорить о существовании массива памятников с асимметричными трапециями, занимавших территорию от Прикаспия до Южного Зауралья и Казахстанского Притоболья включительно.

В Притоболье именно этот круг памятников скорее всего явился той базой, на которой формировалась неолитическая маханджарская культура. В климатическом отношении первая половина атлантика, с которой мы склонны связывать время существования маханджарской культуры, характеризуется продолжением процессов, отмеченных для второй половины бореального периода. Хотя по данным Н. А. Хотинского для Западной Сибири пик голоценового оптимума уже прошел, климат был все еще значительно более теплым и влажным, чем современный (144, с. 180). В Средней Азии исследователи отмечают продолжение «лявляканского пльунала» (37, с. 19—46). Для промежуточных между Западной Сибирью и Средней Азией территорий, в том числе и для Казахстанского Притоболья, таким образом следует предполагать достаточно гумидный и теплый климат.

Материалы по хозяйству маханджарского населения очень скудны. В одной из ям Бестамака был найден фрагмент тонкостенного шиподонного сосуда, чешуя и кости рыбы, обломок черепной коробки лошади и кости сайги (определение Л. Л. Гайдученко). Фрагмент днаща по всем признакам происходит от маханджарского сосуда. Сопровождающие его костные остатки, следовательно, документируют наличие у маханджарского населения рыболовства и охоты.

Неолитические стоянки по размерам значительно превосходят мезолитические. Однако делать на этом основании вывод об оседлом образе жизни оставившего их населения было бы преждевременным. До сих пор нам не удалось выявить бесспорно маханджарские жилища, хотя раскапывались достаточно большие площади. На Бестамаке, например, к настоящему времени вскрыто около 3 тыс. кв. м. Единственным памятником, где встречены остатки предположительно маханджарского жилища, является стоянка Дузбай 1, однако связь его с маханджарской культурой не бесспорна и оно, следовательно, не может документировать оседлость неолитического населения.

С другой стороны, имеются косвенные факты, позволяющие предполагать довольно значительную роль подвижных элементов хозяйства и быта. Близость форм и набора орудий мезолитических и неолитических памятников Казахстанского Притоболья сама по себе свидетельствует о переносе в неолите многих черт хозяйства мезолитической эпохи, для которой предполагается подвижный образ жизни людей. Об этом же в какой-то мере свидетельствует и форма маханджарских сосудов. Давно замечено, что для территорий, население которых традиционно практиковало

оседлый образ жизни, характерна плоскодонная керамика. В противоположность этому охотники и подвижные скотоводы, по крайней мере в первобытную эпоху, пользовались остродонной и круглодонной посудой (101, с. 138—139). В свете этой информации пока следует предполагать достаточно большую подвижность маханджарского населения. Появление же таких памятников как Бестамак и Сулуколь 1 с их огромной площадью, может быть объяснено неоднократным сезонным обитанием населения в этих местах.

Сложение энеолитических культур в степях Евразии связано, видимо, с серединой атлантического периода. Во всяком случае относимые к энеолиту культуры мариупольской общности восточно-европейских степей датируются не позднее первой половины IV тысячелетия до н. э. (25, с. 62; 102, с. 18, 19). Уже сам по себе этот факт заставляет думать, что и в азиатской части степей энеолитическая эпоха наступила примерно в это же время. Действительно, нет никаких оснований предполагать здесь более позднее время сложения энеолита, чем в европейских степях. Между степями Европы и Азии нет никаких непреодолимых для людей той эпохи барьеров. Сама граница между ними в значительной мере условна. Если даже предположить, что исходный резервуар степных энеолитических традиций находился в Восточной Европе, то мы не видим никаких естественных причин, мешавших их проникновению в азиатскую часть степей еще на стадии формирования.

Предположению о более позднем времени возникновения энеолита в этой части степей противоречит и тот факт, что в последующем, вплоть почти до нового времени, население европейских и азиатских степей проходило в своем развитии через одни и те же основные этапы, в которые оно вступало археологически одновременно. В более раннее время, в мезолите и неолите, как будто также нет фактов, свидетельствующих о существенном отставании азиатского населения, во всяком случае в развитии материальной культуры от населения европейской степи. Эти общности посылают настолько важные, что не учитывать их нельзя, тем более что речь идет о степи, в которой возможности установления контактов между различными группами населения во все времена была значительно выше, чем у обитателей любой другой географической зоны.

О хозяйстве раннеэнеолитического населения Казахстанского Притоболья, так же как и о культурной принадлежности, можно говорить лишь весьма предположительно. Исходя из того, что для памятников мариупольской общности восточно-европейских степей скотоводство было достаточно характерным явлением, следует предполагать наличие хотя бы элементов его и у раннеэнеолитического населения Казахстанского Притоболья.

Обращает на себя внимание широкое распространение на мариупольских и боборыкинских памятниках плоскодонных сосудов. Можно думать, что подвижность степного населения в раннем энеолите, по сравнению с неолитом, была существенно меньше. Как уже отмечалось выше, сосуды с плоским дном более всего характерны для населения, ведущего оседлый образ жизни.

Снижение подвижности степного населения в раннем энеолите вероятно в какой-то мере связано с изменениями климатической обстановки. Один из циклов пониженной увлажненности, которые по мнению некоторых исследователей повторялись через 1,7—2,5 тысячи лет, мог приходиться как раз на ранний энеолит (55, с. 22; 154). Если это так, то понижение степени увлажненности привело к резкому снижению продуктивности водораздельных пространств степей. Жизнь людей должна была сосредоточиться в поймах рек, что в силу ограниченности их территории способст-

вовало уменьшению подвижности населения и усилению оседлых элементов хозяйства и быта (81).

Следующий этап в истории энеолитического населения Казахстанского Притоболья, по всей видимости, связан с очередным периодом повышенной увлажненности климата. На графике, составленном для Западной Сибири Н. А. Хотинским, он прослеживается во второй половине атлантического периода (144, с. 180). Косвенно о повышенной увлажненности климата в это время свидетельствует и то, что при всей разнородности материалов, относимых нами к среднему энеолиту, в тех случаях, когда удавалось реконструировать сосуды, они оказывались круглодонными. Повышение увлажненности должно было привести к увеличению биологической продуктивности степных пространств, что создавало хорошие возможности для эксплуатации их ресурсов человеком и, как следствие, вызвало усиление подвижных форм быта и хозяйства, которое нашли отражение в широком использовании круглодонных сосудов.

В восточноевропейской степи в это время развиваются, вероятно, во многом сходные явления, вызвавшие широкое распространение круглодонных сосудов хвалынского-среднепестовского времени, сменивших плоскодонную керамику мариупольской эпохи (25, с. 124, табл. 39).

В отрезок времени, разделяющий памятники раннего и позднего энеолита, происходят существенные изменения в кремневой индустрии. В начале этого периода в течение какого-то времени основную массу орудий продолжали делать из пластин. В это время получили, видимо, распространение наконечники из пластин, в том числе и кельтеминарского типа. Затем в силу каких-то причин происходит переход от пластинчатой к отщеповой индустрии, которая безраздельно господствует в позднем энеолите.

Слабая изученность ранних этапов энеолита препятствует выяснению процесса сложения терсекской культуры. Основой хозяйства терсекского населения было скотоводство. Как уже отмечалось, на чистых терсекских памятниках найдены кости домашнего быка и лошади. К сожалению, доместикационные признаки костных остатков последней до настоящего времени не выявлены (46, с. 23). Однако установленная Л. А. Макаровой близость костных остатков терсекских лошадей и заведомо домашних лошадей Атасуского поселения эпохи бронзы заставляет предполагать большую вероятность того, что первые также принадлежали домашним особям. В пользу этой точки зрения можно привести и некоторые косвенные факты. Во-первых, терсекская культура в общем синхронна ямной, скотоводческий характер экономики которой пока не подвергается сомнению. Поскольку памятники обеих культур расположены в сходных ландшафтных условиях (подчеркнем в степных) и сравнительно недалеко друг от друга, то признавая скотоводческий характер экономики ямного населения, следует предполагать аналогичный характер экономики и у терсекского (101, с. 110—118). Во-вторых, наличие скотоводства как будто никем не оспаривается и у суртандинского населения — ближайшего северо-западного соседа терсекцев (97, с. 96). Причем, насколько можно судить по облику остатков материальной культуры, в данном случае мы имеем дело с родственными культурами, что также заставляет предполагать примерно одинаковый уровень развития экономики оставшего их населения. В-третьих, в эпоху бронзы в степях мы сталкиваемся с высоко развитым скотоводством, вплоть до использования коней в качестве тягловой силы (Синташтинский могильник и др.). Такому уровню скотоводства должен был предшествовать длительный период его развития. Во всяком случае он включал в себя и время существования терсекских памятников. Суммируя прямые и косвенные факты, следует признать предположение о скотоводчес-

ком характере хозяйства обитателей терсекских стоянок наиболее вероятным из всех возможных. Скотоводство у терсекских племен видимо дополнялось охотой. Прямо об этом свидетельствуют кости кабана, найденные на стоянке Соленое Озеро 1.

Судьба терсекского населения в конце III—первой половине II тысячелетия до н. э. в настоящее время в деталях не может быть прослежена, однако можно с уверенностью утверждать, что оно внесло определенный вклад в формирование андроновской культуры.

Так как терсекские погребения неизвестны, а информация по жилым сооружениям очень скудна, то для выяснения вклада терсекского населения в формирование андроновской культуры может быть привлечена только керамика. При сопоставлении терсекских и андроновских сосудов бросается в глаза резкое отличие их формы. Первые имеют приотсрещно-округлые днища, а вторые — плоские. Естественно возникает вопрос, что стоит за этим различием, и можно ли на основании этого факта говорить об отсутствии культурно-генетических связей между энеолитическими и андроновскими памятниками.

Процесс формирования андроновской культуры, и андроновской керамики в том числе, является лишь частью процесса формирования степных культур эпохи бронзы и не может рассматриваться изолированно. Между тем, в степной зоне отмечается определенное сходство в развитии форм сосудов от ямно-афанасьевского до срубно-андроновского времени. Примерно на рубеже III—II тыс. до н. э. в степях население повсеместно перестает пользоваться остродонной посудой и переходит к изготовлению сосудов с плоским дном. Корни этого явления кроются, по нашему мнению, в изменениях климатической обстановки и связанных с ними изменениях в хозяйстве и быте древнего населения. Переход к плоскодонной посуде в общем совпадает с переходом от сравнительно теплого и влажного атлантического периода к более сухому суббореальному периоду (144, с. 180, рис. 49). В силу описанных выше процессов население вынуждено было сконцентрироваться у наиболее крупных водоемов и строить свою экономику в значительной мере на эксплуатации пойменных угодий. Последнее обстоятельство способствовало значительному усилению оседлого элемента быта и стимулировало переход к плоскодонной посуде (67, с. 21—22; 81, с. 158—160). При таком взгляде на причины эволюции керамики в энеолите—бронзе различие форм терсекских и андроновских сосудов не может рассматриваться как свидетельство отсутствия генетических связей этих культур.

Если же мы обратимся к орнаментации, то увидим, что почти все элементы андроновской орнаментации, в основном в петровском и алакульском ее вариантах, имеются и в терсекской орнаментации. Это явление было отмечено ранее Г. Н. Матюшиным применительно к суртандинским памятникам, с той лишь разницей, что он обнаруживал больше сходства с федоровской орнаментацией (90, с. 62, 64; 97, с. 295—300). Сходство не ограничивается широко распространенными элементами орнамента. Такой редкий вид орнамента как «лежачие» треугольники (у нас он встречается на одном сосуде из Соленого Озера 1) известен и на ряде андроновских памятников, где встречен так же на единичных сосудах. По одному сосуду с такими треугольниками найдено в Наурузумском, Перелескинском и Евгеньевском могильниках Тургайского прогиба. Имеется такой орнамент в памятниках Камбулат 2, Чернореченское 1 и Черныя 1 в Челябинской области (123, с. 29, рис. 3, 7, с. 42, рис. 9, 2, с. 45, рис. 11, 5; 152, с. 106, рис. 6, с. 168, рис. 9), в могильнике у Семипалатного в Пришимье (54, с. 30, 31, табл. IV), в Зевакинском могильнике в Восточном Казахстане (56, с. 168, рис. 9), в памятниках атасульского этапа

Центрального Казахстана. Он встречен также на тазабагыябском памятнике Пайкент 7 (42, табл. XXXIV). В Тургайском прогибе известны андроновские сосуды и с такими рецидивами терсекской орнаментации как вертикальный зигзаг, соединяющий верхнюю и нижнюю орнаментальные зоны.

Таким образом, результаты сопоставления терсекской и андроновской орнаментации однозначно свидетельствуют о наличии генетической связи между терсекскими и андроновскими памятниками. Однако вряд ли андроновская культура вырастает прямо из культур типа терсекской. Скорее всего между ними стоит еще неизученный пласт культур полтавкинско-окуневского времени и облика. Первые памятники этой эпохи уже известны на сопредельной с Казахстанским Притобольем территории Петропавловского Пришимья (4, с. 33—39; 49, с. 106—113). Небольшая и фрагментарная коллекция керамики этого времени найдена и у нас на поселении Амангельды.

Следует отметить еще одну важную деталь — большую, по нашему мнению, древность некоторых черт андроновской керамики. Уже на маханджарской керамике встречается довольно сложный геометрический орнамент: зигзаги, треугольники, колонки, соты. При всей фрагментарности материалов раннего и среднего энеолита, геометрическая орнаментация фиксируется и на керамике этих периодов. В позднем энеолите эти элементы орнамента получают значительное развитие в керамике терсекской и родственных ей культур. Часть их затем отмечается и на андроновской керамике.

Мы далеки от мысли выводить андроновскую культуру чуть ли не с мезолита и считать Казахское Притоболье ее колыбелью. Однако нам представляется, что в ней проявился и очень древний пласт представлений и традиций, бытовавших в азиатских степях еще в неолите, а может быть и в более раннее время, которые в определенной мере обусловили специфические, «национальные» черты керамики андроновцев.

Изложенное выше представление о неолите и энеолите Казахского Притоболья позволяет перевести в несколько иной аспект, чем это делалось до сих пор, рассмотрение проблемы взаимосвязи приаральских и зауральских памятников.

Во все рассмотренные нами периоды материалы Казахского Притоболья обнаруживают определенное сходство с одновременными материалами как Средней Азии, так и Зауралья. Это, с одной стороны, позволило нам предполагать, существование в каждом периоде на промежуточной территории массива близких по облику материальной культуры памятников, а с другой — позволяет рассматривать указанную проблему не как проблему взаимосвязи приаральских и зауральских памятников в эпоху неолита и энеолита, а как проблему взаимоотношений зауральского лесного населения с населением прилегающих степей.

В первой формулировке вопрос был поставлен тогда, когда на промежуточной между Приаральем и Зауральем территорией были известны лишь единичные памятники неолита и энеолита, давшие к тому же незначительные коллекции сильно фрагментированной керамики. В то время сопоставление материалов приаральских и зауральских памятников напрямую было неизбежно и оправданно. Сейчас положение коренным образом изменилось. Ведь никто не говорит о влиянии тазабагыябского населения на население лесного Зауралья, оставившее «андроидные» памятники. Это было бы абсурдно, поскольку ясно, что если последние и складывались под влиянием андроновцев, то прежде всего под влиянием северного населения андроновской ойкумены, а не южной ее периферии. Исследования новых памятников в Казахском Притоболье, бассейнах Ишима и Тургая создали аналогичную ситуацию и для эпохи неолита—энеолита.

Литература

1. Агалов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И. Хвалынский могильник и его место в энеолите Восточной Европы. // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж: ВГУ, 1979.
2. Агеева Е. И., Акишев К. А., Кушаев Г. А., Максимова А. Г., Сенигова Т. Н. Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата: АН КазССР, 1966.
3. Архипов Г. А., Никитин В. В. Руткинское поселение. // Лесная полоса Восточной Европы в волосковско-турбинское время. Йошкар-Ола: Мар. НИИ, 1978.
4. Багаутдинов Р. С., Пятых Г. Г. Новые данные о восточных связях полтавских племен. // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев: Куйб. ГПИ, 1977.
5. Бадер О. Н. Стоянки Нижнеадищевская и Боровое Озеро 1 на р. Чусовой. // МИА. 1951. № 22.
6. Бадер О. Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. // МИА. 1961. № 99.
7. Бадер О. Н. Уральский неолит. // МИА, 1970. № 166.
8. Бадер О. Н. Хронологические рамки неолита Прикамья и методы их установления. // КСИА. 1978. Вып. 153.
9. Бадер О. Н., Выборнов А. А. Саузовская II стоянка в устье реки Белой и некоторые проблемы неолита-энеолита Приуралья. // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев: Куйб. ПГИ, 1980.
10. Берс Е. М. Позднеэнеолитическое погребение на р. Аять в Среднем Зауралье. // СА. 1976. № 4.
11. Бодянский О. Неолитична стоянка на острові Шулаевому. // АП. 1949. Т. П.
12. Борисенков Е. П. Климат и деятельность человека. М.: Наука, 1982.
13. Брюсов А. Я. Неолит и начало бронзовой эпохи в Кустанайской области в Казахской ССР. Кустанай, 1943. // Рукописный фонд Кустанайского областного историко-краеведческого музея. № 111, д. № 371.
14. Брюсов А. Я. Очерк древнейшей истории Кустанайской области. Кустанай, 1943. // Рукописный фонд Кустанайского областного историко-краеведческого музея, № 106, д. № 372.
15. Brussoff A. J. Sur l'origine de la D'Andropovo. // A Pedro Bosch-Gimpera en el septuagesimo aniversario de su nacimiento. Mexico, MCMXLIII.
16. Быков Г. Е. Геологический очерк бассейна озера Убаган. // Материалы по геологии и полезным ископаемым Казахстана. Вып. 2. М.: Госгеолгиздат, 1940.
17. Варанкин Н. В., Ковалева В. Т. Раскопки поселения Ташково 1 в бассейне р. Исеть. // АО—1978. М., 1979.
18. Васильев И. Б., Непочатых В. А. Новая стоянка в Хвалынском районе Саратовской области. // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев: Куйб. ГУ, 1977.
19. Васильев И. Б., Пенин Г. Г. Елшанские стоянки на реке Самаре в Оренбургской области. // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев: Куйб. ГПИ, 1977.
20. Васильев И. Б. Южные районы лесостепного Поволжья в волосковское время. // Лесная полоса Восточной Европы в волосковско-турбинское время. // Йошкар-Ола: Мар. НИИ, 1978.
21. Васильев И. Б., Матвеева Г. И. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре. // СА. 1979. № 4.
22. Васильев И. Б. Энеолит лесостепного Поволжья. // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев: Куйб. ГПИ, 1980.
23. Васильев И. Б., Выборнов А. А., Габышев Р. С., Моргунова Н. Л., Пенин Г. Г. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье. // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев: Куйб. ГПИ, 1980.
24. Васильев И. Б. Энеолит лесостепного Поволжья. // Проблемы хронологии энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы (Тезисы докладов). Оренбург, 1980.
25. Васильев И. Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев: Куйб. ПГИ, 1981.
26. Виноградов А. В. Археологическая разведка в районе Аральска — Саксаульской в 1955 г. // Тр. ИИАЭ АН КазССР. 1959. Т. 7.
27. Виноградов А. В. Новые неолитические находки в Хорезмской экспедиции АН СССР в 1957 г. // МХЭ. 1960. Вып. 4.
28. Виноградов А. В. Новые материалы для изучения кельтеминарской культуры. // МХЭ. 1963. Вып. 6.
29. Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма. М.: Наука, 1968.
30. Виноградов А. В., Кузьмина Е. Е., Смирин В. М. Новые первобытные памятники в Северо-Восточном Приаралье. // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973.
31. Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Лявлякан. // МХЭ. 1975. Вып. 10.
32. Виноградов А. В. // СА 1979. № 1. — Рец. на кн.: Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976.
33. Виноградов А. В., Мамедов Э. Д., Сулержицкий Л. Д. Первые радиоуглеродные даты для неолита Кызылкумов. // СА. 1977. № 4.
34. Виноградов А. В. Исследование памятников каменного века в Северном Афганистане. // МСАЭ. 1979. Вып. 2.
35. Виноградов А. В. О распространении наконечников стрел кельтеминарского типа. // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979.
36. Виноградов А. В. Новые материалы по периодизации и хронологии неолита Кызылкумов. // Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1981.
37. Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазнатского междуречья. // Тр. ХАЭЭ. 1981. Вып. XIII.
38. Выборнов А. А., Пенин Г. Г. Неолитические стоянки на р. Самаре. // Древняя история Поволжья. Куйбышев: Куйб. ГПИ, 1979.

39. Габяшев Р. С. Памятники неолита с накольчато-прочерченной керамикой приустьевой части Камы. // Из археологии Волго-Камья. Казань: КФАН СССР, 1976.
40. Габяшев Р. С. Второе Татарско-Азиебейское поселение. // Древности Инско-Бельского междуречья. Казань: КФАН СССР, 1978.
41. Грязнов М. П. Почвы и археологические памятники в их взаимосвязи. // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент: Уз. ФАН СССР, 1973.
42. Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура в низовьях Заравшана. Ташкент: Уз. ФАН СССР, 1966.
43. Даниленко В. Н. До питання про ранній неоліт південної Наддніпрянищини. // Археологія. Київ. 1950. Т. III.
44. Даниленко В. Н. Неолит Украины. Киев: Наук. думка, 1969.
45. Денисов В. П. Хуторская неолитическая стоянка. // Уч. зап. Перм. ГУ. 1960. Т. 12. Вып. 1.
46. Ермолова Н. М. Проблемы изучения доместики животных. // КСИА. 1978. Вып. 153.
47. Ефименко П. П. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках раннеэнеолитического возраста. // РАЖ. 1923. Т. 13. Вып. 1—2.
48. Зайтов В. И. Развитие каменной индустрии в эпоху неолита—энеолита на территории Северного Казахстана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1988.
49. Зайберт В. Ф. Новые памятники ранней бронзы на р. Ишим. // КСИА. 1973. Вып. 134.
50. Зайберт В. Ф. Неолит Северного Казахстана: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1979. // Архив ИА АН СССР. Р-2, № 2258.
51. Зайберт В. Ф. Неолит Северного Казахстана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1979.
52. Зайберт В. Ф. Исследования в Северном Казахстане. // АО—1980. М., 1981.
53. Зайберт В. Ф., Потемкина Т. М. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья. // СА. 1981. № 3.
54. Зданович Г. Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области. // ВАУ. 1973. Вып. 12.
55. Зубаков В. А. Современное состояние геохронологической шкалы позднего кайнозоя и методологические проблемы ее разработки. // Геохронология четвертичного периода. М.: Наука, 1980.
56. История Казахской ССР. Алма-Ата: Наука, 1977, т. 1.
57. Ковалева В. Т., Варанкин Н. В. К вопросу о происхождении боборыкинской культуры. // Вопросы археологии Приобья. Тюмень: Тюм. ГУ, 1976.
58. Ковалева В. Т. Энеолитическое поселение на Андреевском озере. // В АУ. 1977. Вып. 14.
59. Ковалева В. Т. Среднее Зауралье в переходное время от неолита к

60. Ковалева В. Т. Среднее Зауралье в переходное время от неолита к бронзовому веку: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Свердловск, 1979. // Архив ИА АН СССР. Р-2, № 2257.
61. Ковалева В. Т., Потемкина Т. М. Поселения с линейно-накольчатой керамикой в бассейне р. Тобол. // КСИА. 1980. Вып. 161.
62. Ковалева В. Т. О схемах развития неолита лесного Зауралья. // ВАУ. 1981. Вып. 15.
63. Коробкова Г. Ф., Крижевская Л. Я., Мандельштам А. М. К вопросу о неолите Прикаспия. // История, археология и этнография Средней Азии. М., Наука, 1968.
64. Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. // МИА. 1969. № 158.
65. Коробкова Г. Ф., Массон В. М. Понятие неолит и вопросы хронологии неолита Средней Азии. // КСИА. 1978. Вып. 153.
66. Косарев М. Ф., Потемкина Т. М. Поселение Ипкуль 1. // СА. 1975. № 4.
67. Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981.
68. Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Хронология и палеогеографический фон древнейших поселений центра Русской равнины. // Первобытный человек и природная среда. М.: Наука, 1974.
69. Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Верхневолжская раннеэнеолитическая культура. // СА. 1977. № 3.
70. Крайнов Д. А. Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья. // КСИА. 1978. Вып. 153.
71. Крайнов Д. А. К вопросу о происхождении волосовской культуры. // СА. 1981. № 2.
72. Крижевская Л. Я. К вопросу о неолите Северо-Восточного Прикаспия. // МИА. 1972. № 185.
73. Крижевская Л. Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.: Наука, 1977.
74. Кузьмина Е. Е. Могильник Заман-Баба. // СЭ. 1958. № 2.
75. Логвин В. Н. Работы Тургайского музея. // АО—1975. М., 1976.
76. Логвин В. Н. Новый памятник каменного века Кустанайской области. // СА. 1977. № 4.
77. Логвин В. Н. Еще раз об энеолитических стоянках Кустанайской области и их связи с ландшафтом. // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1979.
78. Логвин В. Н. Первые памятники маханджарской культуры. // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы (Тезисы докладов). Оренбург, 1980.
79. Логвин В. Н. Стоянка маханджарской культуры Соленое Озеро 2. // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: Куйб. ГПИ, 1982.

80. Логвин В. Н. Энеолитические памятники реки Каинды. // ВАУ. 1981. Вып. 15.
81. Логвин В. Н. О некоторых сторонах механизма этнических процессов в неолите—бронзе степной полосы СССР. // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1981.
82. Марков Г. Е. Раскопки первобытной стоянки Оюклы. // Вестник МГУ. 1961. № 3.
83. Марков Г. Е. Грот Дам-Дам Чешме 2 в Восточном Прикаспии. // СА. 1966. № 2.
84. Массон В. М. Поселение Джейтун. // МИА. 1971. № 180.
85. Матюшин Г. Н. Стоянка Мурат на озере Узун-Куль. // СА. 1965. № 1.
86. Матюшин Г. Н. Работы на Южном Урале. // АО—1967. М., 1968.
87. Матюшин Г. Н. О южных связях мезолита Урала. // АЭБ. 1968. Т. III.
88. Матюшин Г. Н. О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита. // СА. 1969. № 4.
89. Матюшин Г. Н., Ошибкина С. В., Стоколос В. С., Федорова-Давыдова Э. А. Южно-Уральская экспедиция. // АО—1968. М., 1969.
90. Матюшин Г. Н. К проблеме энеолита Южного Урала. // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1970.
91. Матюшин Г. Н. Памятники эпохи раннего металла Южного Зауралья. // КСИА. 1971. Вып. 127.
92. Матюшин Г. Н. Мезолитические памятники высокогорных районов Южного Урала. // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973.
93. Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976.
94. Матюшин Г. Н., Рыжов Ю. Ф., Совинченко О. Н. Раскопки на озере Банном. // АО—1975. М., 1976.
95. Матюшин Г. Н., Нигматулин Р. А., Рыжов Ю. Ф., Хотинский Н. А., Шевцова Л. Б. Исследования в зоне яшмового пояса Урала. // АО—1976. М., 1977.
96. Матюшин Г. Н. Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке. // Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978.
97. Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1981.
98. Мелентьев А. Н. Памятники сероглазовской культуры. Неолит Северного Прикаспия. // КСИА. 1975. Вып. 141.
99. Мелентьев А. Н. К вопросу о времени и генезисе раннего неолита Северного Прикаспия (памятники сероглазовского типа). // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев: Куйб. ГПИ, 1976.
100. Мелентьев А. Н. Памятники неолита Северного Прикаспия (памятники прикаспийского типа). // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев: Куйб. ГПИ, 1976.
101. Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
102. Мерперт Н. Я. Проблемы энеолита в степи и лесостепи Восточной Европы. // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев: Куйб. ГПИ, 1980.
103. Моргунова Н. Л. Ивановская стоянка эпохи неолита—энеолита в Оренбургской области. // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев: Куйб. ГПИ, 1980.
104. Настюков Н. З., Праслов Н. Д. Новые памятники каменного века на западном чинке Устюрта. // УСА. 1972. Вып. 1.
105. Научная поездка С. И. Руденко в Киргизский край летом 1921 г. // Географический вестник. 1922. Вып. 1.
106. Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамьш, Узбой. История формирования и заселения. // МХЭ. 1960. Вып. 3.
107. Никитин В. В. Волосовские племена на Средней Волге. // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола: Мар. НИИ, 1978.
108. Окладников А. П. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. // ТЮТАКЭ. 1956. Т. VII.
109. Петрин В. Т., Смирнов Н. Г. Палеолитический памятник в Шикаевке на правом берегу Тобола. // ВАУ. 1975. Вып. 13.
110. Полякова Г. Ф. Племена белевской культуры. // Тр. ГИМ. 1970. Вып. 44.
111. Полякова Г. Ф. Неолитические племена верхнего течения р. Оки. // МИА. 1973. № 172.
112. Праслов В. Д., Постников Г. Б., Ротшильд Е. Новые памятники с микролитическим инвентарем в Северо-Восточном Прикаспии. // КСИА. 1969. Вып. 117.
113. Раушенбах В. М. Племена льяловской культуры. // Тр. ГИМ. 1970. Вып. 44.
114. Раушенбах В. М. Неолитические племена Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья. // МИА. 1973. № 172.
115. Сальников К. В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. // АЭБ. 1962. т. 1.
116. Саряниди В. И. К вопросу о культуре заманбаба. // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979.
117. Синюк А. Г. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1971.
118. Синюк А. Г. Неолитический материал нижневоронежской стоянки Университетская 3. // Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. (По материалам Восточно-Европейской лесостепи). Воронеж: ВГУ, 1978.
119. Старков В. Ф. Стоянка Шапкуль 1 и особенности энеолита в лесном Зауралье. // Вопросы археологии Приобья. Тюмень: ТГУ, 1976.
120. Старков В. Ф. Хронология неолита лесного Зауралья. // КСИА. 1978. Вып. 153.
121. Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980.
122. Старков В. Ф. Новые раскопки на Горбуновском торфянике. // АО—1979. М., 1980.
123. Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). М.: Наука, 1972.

124. Телегин Д. Я. Днепро-донецкая культура. Киев: Наук. думка, 1968.
125. Телегин Д. Я. Средне-стогівська культура эпохи міді. Киев: Наук. думка, 1973.
126. Телегин Д. Я. Об абсолютном возрасте ямной культуры и некоторые вопросы хронологии энеолита юга Украины. // СА. 1977. № 2.
127. Телегин Д. Я. Вопросы хронологии и периодизации неолита Украины. // КСИА. 1978. Вып. 153.
128. Телегин Д. Я., Собонович Э. В., Ковалюк Н. Н. Об абсолютном возрасте памятников археологии Украины и некоторых смежных территорий по данным радиоуглеродных анализов (Сообщение 2 Координационного Совета комплексного изучения памятников археологии ИА АН УССР за 1975—1977 гг.). // Использование методов естественных наук в археологии. Киев.: Наук. думка, 1981.
129. Телегин Д. Я., Филенко О. С. Могильник среднестоговской культуры в Днепровском Надпорожье. // СА. 1982. № 1.
130. Толстов С. П., Итина М. А. Проблема сугарганской культуры. // СА. 1960. № 1.
131. Третьяков В. П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. Л.: Наука, 1972.
132. Третьяков В. П. О волосовско-гурбинской общности. // Тезисы докладов на VI Уральском археологическом совещании. М., 1977.
133. Формозов А. А. Памятники древности Наурзумского заповедника. // Вестник Каз. ФАН СССР. 1946. № 4 (13).
134. Формозов А. А. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. // КСИИМК. 1949. Вып. XXV.
135. Формозов А. А. Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом. // ВКНЧП. 1950. № 15.
136. Формозов А. А. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. // КСИИМК. 1950. Вып. XXXI.
137. Формозов А. А. К вопросу о происхождении андроновской культуры. // КСИИМК. 1951. Вып. XXXIX.
138. Формозов А. А. Археологические памятники в районе Орска. // КСИИМК. 1951. XXXVI.
139. Формозов А. А. Доандроновское погребение в Казахстане. // КСИИМК. 1956. Вып. 63.
140. Формозов А. А. Микролитические памятники Азиатской части СССР. // СА. 1959. № 2.
141. Формозов А. А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М.: Наука, 1977.
142. Халиков А. Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. // Тр. МАЭ. 1960. Т. 1.
143. Халиков А. Х. Неолитические племена Среднего Поволжья. // МИА. 1973. № 173.
144. Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977.
145. Хотинский Н. А. Палеогеографические основы датировки и периоди-

- зации неолита лесной зоны Европейской части СССР. // КСИА. 1978. Вып. 153.
146. Цветкова И. К. Племена рязанской культуры. // Тр. ГИМ. 1970. Вып. 44.
147. Цветкова И. К. Неолитические племена рязанского течения реки Оки. // МИА. 1973. № 172.
148. Чалая Л. А. О культуре микролитов эпохи неолита в бассейне реки Кара-Тургая. // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1969.
149. Чалая Л. А. Новые материалы по неолиту Казахстана. // Вестник МГУ. 1970. № 6.
150. Чалая Л. А. Неолит Северо-Восточного и Центрального Казахстана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1971.
151. Чалая Л. А. Поздненеолитический инвентарь и хозяйство стоянки Иман-Бурлук. // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1973.
152. Чебакова Т. Н. Андроновские поселения верховьев р. Увельки. // ВАУ. 1975. Вып. 13.
153. Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. // МИА. 1960. № 88.
154. Шнитников А. В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария. // Зап. Географического общества СССР. 1957. Т. 16.

Сокращения

АО	— Археологические открытия
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АЭБ	— Археология и этнография Башкирии, Уфа.
БКИЧП	— Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВАУ	— Вопросы археологии Урала. Свердловск.
ВГУ	— Воронежский государственный университет
ВДИ	— Вестник древней истории
ИА АН СССР	— Институт археологии АН СССР
Каз. ФАН СССР	— Казахский филиал АН СССР
КСИА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КФАН СССР	— Казанский филиал АН СССР
Куйб. ГПИ	— Куйбышевский государственный педагогический институт
Куйб. ГУ	— Куйбышевский государственный университет
Мар. НИИ	— Марийский научно-исследовательский институт
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МГУ	— Московский государственный университет
МСАЭ	— Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции
МХЭ	— Материалы Хорезмской экспедиции
Перм. ГУ	— Пермский государственный университет
РАЖ	— Русский антропологический журнал
СЭ	— Советская этнография
СА	— Советская археология
Тр. ИИАЭ АН КазССР	— Труды института истории, археологии и этнографии АН КазССР.
Тр. ГИМ	— Труды государственного Исторического музея
ТГУ	— Томский государственный университет
Тр. МАЭ	— Труды Марийской археологической экспедиции
Тр. ХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
Тюм. ГУ	— Тюменский государственный университет
ТЮТАКЭ	— Труды Южно-Туркменистанской археологической экспедиции
Уз. ФАН СССР	— Узбекский филиал АН СССР
Ур. ГУ	— Уральский государственный университет
УСА	— Успехи среднеазиатской археологии. Ленинград.

Введение	3
Глава I. Мезолит	3
Глава II. Неолит	11
Глава III. Энеолит	28
Заключение	48
Литература	54
Сокращения	62

ЛОГВИН Виктор Николаевич
Каменный век Казахского Притоболья
(мезолит — энеолит)

Редактор Т. П. Андропова.
Художник А. В. Колбина.

Сдано в набор 25.12.90. Подписано в печать 04.02.91. Формат 60x90 1/13.
Усл. п. л. 4, уч.-изд. 5,2. Тираж 500, зак. 208. Цена 2 р. 60 к.

Казахский государственный ордена Трудового Красного Знамени
педагогический университет им. Абая.

Кустанай, областная типография, Индустриальная, 16.

ПОПРАВКИ

Напечатано	Следует читать
с. 10. Строка 8 сверху Истоки П	Исток П
с. 12. Строка 14 снизу упрощенной формы	уплощенной формы
с. 16. Строка 5 снизу первое	первые
с. 18. Строка 2 снизу пластин, из которых	пластины, из которой
с. 44. Строка 9 сверху Михайловские Строка 14 сверху начала	Михайловке начало
с. 54. Строка 9 сверху волосковско-	волосовско-